

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 1 (67), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2015

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2015 г.

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

1. **Непомнящий Андрей Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – главный редактор.
2. **Манаев Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. **Герцен Александр Германович** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
4. **Ишин Андрей Вячеславович** – доктор исторических наук, доцент, кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
5. **Латышева Елена Владимировна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
6. **Науменко Валерий Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
7. **Петрова Элеонора Борисовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
8. **Платонова Надежда Игоревна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. **Романько Олег Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
10. **Тихонов Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, заведующий музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. **Тункина Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. **Филимонов Сергей Борисович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
13. **Храпунов Игорь Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
14. **Щевелев Сергей Стефанович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Подписано в печать 07.12.2015. Формат 70х100 1/16

7,23 усл. п. л. Заказ № НП/13.

Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 94+281.9:257(5-15) «1882–1917»

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ПАЛЕСТИНЫ В 1882–1917 ГГ.

Близняков Р. А., Щевелев С. С.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: bliznyakov80@mail.ru, shchevelev.s@mail.ru**

Рассмотрено одно из направлений гуманитарной деятельности ИППО – просвещение среди православных арабов Палестины, Сирии и Ливана. Авторы статьи дают анализ деятельности образовательных учреждений в регионе, затрагивают вопросы, связанные с развитием отечественного востоковедения, обзорно освещают вклад учёных – миссионеров и подвижников в развитие отечественного палестиноведения. Исследование отчасти носит биобиблиографический и историографический характер.

Ключевые слова: ИППО, Палестина, православие, В. Н. Хитрово, школы, семинарии.

Формулируя актуальность исследования, прибегнем к необычному в исторической литературе приему – приведём слова выдающегося российского государственного и общественного деятеля рубежа XIX–XX вв., писателя Василия Николаевича Хитрово о Палестине и палестиноведении: «Если есть на свете страна, которую можно назвать общею родиною человечества, то это бесспорно – Палестина. Кто из нас не произносил священные имена Синая, Иордана, Иерусалима и Вифлеема тогда, когда не понимал еще различия между добром и злом. Три религии, верующие в Единого Бога, привыкли смотреть на Иерусалим как на средоточие их вероисповедания. Сорок веков прошли над этой страной, оставляя в ней, как геологические наслоения, свою летопись. Изучать её – то же, что изучать развитие рода человечества. Каждому, от простого богомольца до пытливого ученого, посещение и изучение этой страны дает столько, сколько кто может в себе вместить» [1, с. 5; 2, с. 5].

Именно разноплановым познанием Святой Земли во всех её измерениях стала многогранная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) в Палестине, которая фокусировалась в том числе и на таком важном гуманитарном и гуманистическом аспекте как образование. Образовательная деятельность ИППО стала проекцией мягкой силы русского мира в Палестине. Изучение образовательной деятельности в Палестине стало основной целью небольшого научного изыскания авторов статьи.

Промежуточные цели (задачи) исследования имеют как общенаучное измерение (показать просветительскую деятельность ИППО в регионе до Октябрьского переворота в России), так и практическое. Практическая значимость заключается в изучении просветительского опыта ИППО в регионе (преподавательская деятельность сопровождалась научными публикациями миссионеров и членов общества, накопила богатый историографический материал, а значит, изучение просветительской деятельности общества – отчасти изучение отечественной историографии ближневосточного региона конца XIX – начала XX вв.). Стремление к познанию

багажа научных трудов членов Палестинского Общества должно стать приоритетным научным направлением в Крымском федеральном округе после воссоздания регионального отделения ИППО. Справедливо замечает патриарх Кирилл: «Палестинское общество никогда не было чисто «столичной» структурой. До революции его отделения существовали более чем в пятидесяти епархиях Русской Православной Церкви. В настоящее время активно действуют региональные отделы в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Ярославле, Кишиневе и Одессе» [3, с. 4]. Надеемся, что в скором времени среди лидеров будет упомянуто и Крымское региональное отделение, действующее на основе Устава ИППО [4].

Научная статья опирается на источники: актовые документы (Устав ИППО [4], другие нормативно-правовые документы организации [5]), монографическую литературу [6], диссертационное исследование [7], а также периодическое издание ИППО – Православный Палестинский сборник [1–3; 8].

Материалы статьи прошли апробацию на научно-практической конференции «Почётный член ИППО – Святой Страстотерпец Император Николай Второй», проходившей в КФУ в мае 2015 года по инициативе ИППО и администрации университета [9; 10; 11].

1. Образование ИППО и начало просветительской деятельности. Интерес к Ближневосточному региону был всегда одной из констант внешней политики Российской империи. Так, «в 1859 году создается в Петербурге Палестинский комитет под председательством брата императора Александра Второго – великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала, т. е. главы Военно-морского ведомства. С 1860 г. в Иерусалиме начинают возводить Русские постройки – основные подворья для приема русских паломников вплоть до Первой мировой войны. И наконец, в 1882 году создается ИППО, которое смогло взять на себя все основные функции по благоустройству и организации русского паломничества» [8, с. 5].

Приведем оценку деятельности ИППО, данную Святейшим Патриархом Кириллом: «Императорское Православное Палестинское Общество по праву считается одним из старейших научных учреждений России. Исторически общество было важнейшим инструментом русского присутствия на Ближнем Востоке. Основные уставные задачи Общества – содействие русскому православному паломничеству, научное палестиноведение и гуманитарное сотрудничество с народами Ближнего Востока – неотделимы от церковного делания. Ведь глубокая связь России с Палестиной укоренена в православной вере и благочестии, в постоянной духовной обращенности наших предков и современников к тем местам, где совершалась библейская история, где проходила земная жизнь Христа Спасителя, где родилась Его Церковь... Огромная работа была выполнена Палестинским Обществом в просветительской и гуманитарной сферах. Десятки тысяч местных жителей получали бесплатную помощь в больницах и амбулаториях ИППО в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, 113 православных школ, основанных Обществом для арабских детей в Палестине, Ливане, Сирии, финансировались российской казной. По закону, принятому Государственной Думой и утвержденному императором Николаем Вторым 5 июля 1912 года, они были проведены отдельной строкой бюджета Российской империи (более 150 тысяч золотых рублей в год). Выпускники русских школ составили осно-

ву национальной арабской интеллигенции. Добрая память о них и сегодня жива в Палестине, Египте, Сирии, Ливане. Русские средства также были в то время основным источником финансирования Иерусалимского Патриархата» [3, с. 3–4].

В мае 1882 был утвержден Устав ИППО, проведено учредительное собрание. Среди различных задач Общество взяло на себя обязанность по учреждению школ (ведение просветительской деятельности) среди Православных арабов Палестины.

Основные направления просветительской работы ИППО можно проследить в статье заместителя Председателя ИППО Н. Н. Лисового «В. Н. Хитрово – основатель Императорского Православного Палестинского Общества»: «Просветительская работа среди местного арабского населения, – отмечает он, – одна из важнейших исторических заслуг Общества и лично В. Н. Хитрово» [1, с. 26].

Первая школа ИППО была открыта в Палестине в год создания Общества, в 1882 г. Во избежание конфликтов с Иерусалимским патриархатом, сопротивления греческой иерархии желаниям создать собственную школьную систему было принято решение о создании школ не в Иудее, а в Галилее. В 1882 году открыта мужская школа в Мжеделе, через год появились школы в Кфар Ясифа, Раме и Шеджаре. В 1885 году в ведение Палестинского Общества вошла старейшая женская школа в Назарете [4, с. 36].

В 1885 году в ведение ИППО вошла школа в Назарете, и за 3 месяца количество учащихся выросло с 27 учениц до 236. Число школ быстро росло, поэтому общество готовило педагогические кадры из местного населения: были открыты 2 учительские семинарии: мужская в Назарете (1886) и женская в Бейт-Джале.

Правда, в 1884 в ходе переговоров между Василием Николаевичем Хитрово и Иерусалимским патриархом Никодимом (русским ставленником) была достигнута договоренность открывать подобные заведения только при наличии учителей, подготовленных в России [6, с. 196].

Учебные заведения общества подразделялись на 3 категории: семинарии в Назарете и Бейт-Джале, начальные школы с преподаванием русского языка (в городах и крупных селениях) и деревянные школы с одним арабским учителем без русского языка.

2. В. Н. Хитрово в образовательной деятельности ИППО. Роль В. Н. Хитрово в становлении и контроле русской системы просвещения отражена на страницах Палестинского сборника, периодического издания ИППО: «Когда Василий Николаевич приезжал в Иерусалим в 1889 году, он объехал и проинспектировал уже 8 школ, открытых к тому времени для обучения арабских детей, в основном в сельской местности. К следующему его приезду в 1893 году их было 17, к началу XX века уже 87, а к 1914 году – более сотни, в том числе две учительских семинарии, мужская, в Назарете, женская, в Бет-Джале, близ Вифлеема. Такой быстрый рост связан с тем, что после ревизии школ в 1893 г. Хитрово изменил стратегию и решил перенести центр тяжести учебно-организационных усилий из Иерусалимского Патриархата, где патриархи и стоявшее за ними греческое Святогробское братство всячески препятствовали делу просвещения арабов, в пределы Антиохийской Православной церкви: в Ливан и Сирию. Там совсем иначе относились к русским школам. В одном Бейруте начиная с 1887 г. было устроено пять народных школ при содействии рус-

ского педагога, подлинной подвижницы Марии Александровны Черкасовой – «Мамы Черкасовой», как её сейчас называют в Ливане. В 1895 году Патриарх Антиохийский Спиридон обратился в Совет ИППО с просьбой принять в свое ведение женскую школу в Дамаске и несколько мужских училищ, а затем постепенно Общество [1, с. 26] распространило успешную просветительную деятельность практически по всей Сирии. Общее число учившихся в школах ИППО арабских детей простиралось к началу Первой мировой войны до 11 тысяч. Идея создания семинарии для подготовки арабских учителей [1, с. 26] для сельских школ была выдвинута В. Н. Хитрово в ходе его поездки по Палестине в 1884 г. Лучшие из выпускников могли впоследствии продолжать образование как стипендиаты ИППО в России – в духовных семинариях и академиях или учительских институтах. Семинария была открыта по благословлению митрополита Назаретского Нифонта в сентябре 1886 г. Её возглавил по рекомендации Хитрово А. Г. Кезма – православный араб родом из Дамаска, окончивший в Петербурге духовную семинарию и учившийся в академии, но отозванный обществом с третьего курса для работы в русских школах, сначала в Бейруте, затем в Назарете. В семинарию на полный бесплатный пансион было принято 20 учащихся, из них 15 сирот» [1, с. 27].

Если говорить об образовательных планах, то обучение в основном было четырехгодичным. В первый класс начальной школы принимались дети от 3 до 6 лет, их учили различать буквы, считать, обучали арабским и русским играм. Дети постарше учили арабский, русский, географию, чистописание, черчение, пение, Закон Божий, трудовое воспитание: девочки учились шить и вязать, мальчики – столярничали. Были дисциплины и практической направленности: цветоводство, садоводство. Социально значимым представляется бесплатный характер обучения. Общество брало на себя все расходы на учебники, тетради, чернила, полный пансион для учащихся в семинариях. Фактором экономии объяснялось и совместное обучение мальчиков и девочек, что нарушало традиционный арабский уклад. При организации школ учитывались особенности образа жизни арабов Палестины, местного климата, поэтому учебный год продолжался не более 6–7 месяцев.

Торжественное открытие Назаретской учительской семинарии состоялось в сентябре 1886. Первыми преподавателями стали Александр Гаврилович (Искендер-Джебраил), Кузьма, уроженец Дамаска, окончивший в 1880 году в Москве Духовную семинарию и с 3 курса Московской Духовной академии отозванный для службы в школах ИППО, Никола Абу-Табих и Александр Иванович Якубович – автор учебников и пособий на арабском языке для палестинских школ. Они были изданы Палестинским обществом, это «Руководство для учебных заведений Общества», «Руководство по географии для учебных заведений общества» и другие.

Остановимся на палестинских городах, в которых были учебные заведения общества, на количественных и качественных показателях обучения. В Назарете, например, ученики первого набора сдавали экзамены по арабскому языку и математике, было принято 12 учеников. В 1890 состоялся первый выпуск, закончили полный курс только 4 человека; за первые 20 лет её существования (1886–1906) в Назаретскую учительскую семинарию (с 1903 г. она носила имя своего основателя Василия Николаевича Хитрово) было принято 170 учеников, закончили её 120 (58 из них бы-

ли назначены учителями в школы ИППО в Палестине и Сирии). Девять лучших выпускников были направлены в Россию для продолжения образования. В семинарии основное внимание уделялось изучению Закона Божия, русского языка, истории, географии, арабского языка и арифметики. Меньше внимания уделялось черчению, религии, поэзии, ремеслу. С 1894 г. курс обучения в семинарии был увеличен до 6 лет. К изучаемым предметам добавили, кроме арабского, русского и греческого языков, также английский и турецкий.

Первые итоги были положительными: «В 1890 г. состоялся первый выпуск, и лучший выпускник К. Канази был направлен в Киев, в Киевскую духовную семинарию. К 1911 году, когда Назаретская семинария отмечала свой четвертьвековой юбилей, состоялось 10 выпусков – 69 выпускников, из которых две трети остались на службе в школах ИППО. С 1903 года семинария носила имя В. Н. Хитрово» [1, с. 27].

Если знание русского языка у учеников начальных школ было ограниченным, то воспитанников семинарий обучали серьезно, со старших курсов занятия велись на русском языке.

В одном из отчетов приводятся темы выпускных сочинений по русской словесности в Назарете: «Значение восточных народов в истории культуры»; «Одинаково ли изображают Пушкин и Гоголь русскую действительность», «Значение Ломоносова в русской литературе». Это свидетельство подтверждает хорошую постановку преподавания в этом учебном заведении.

Среди выпускников семинарии – классики арабской литературы и просвещения: Хури Искандер, Халиль Байдас, Селим Кобейн – переводчик на арабский книг Л. Н. Толстого [6, с. 204].

Женская учительская семинария в Бейт-Джале во многом была схожа с мужской Назаретской. Она была открыта 1 октября 1890 года на базе женской школы, основанной еще в 1866 году на деньги императрицы Марии Александровны. Обе русские учительские семинарии в Палестине имели амбулатории. Первый набор насчитывал всего 5 девочек, но уже в 1895 году в семинарию приняли 31 ученицу. Учебный план был схож с учебным планом Назаретской семинарии. Курс обучения составлял 8 лет. Языком преподавания был арабский. Принимались туда девочки в возрасте от 11 до 13 лет [7, с. 43–44].

В 1912 году Палестинскому обществу в связи с 25-летним юбилеем на постройку здания для Бейт-Джалыкской учительских семинарий было выделено 50 тысяч рублей из государственного казначейства.

Ежегодно в женскую семинарию принимали 30–40 учениц, но число выпускниц, окончивших курс и назначенных затем на работу в русские школы Сирии и Палестины, было значительно меньше, чем в Назаретской мужской семинарии.

Это объяснилось тем, что большинство учащихся было выходцами из бедных семей, которые нуждались в рабочих руках, а это было причиной прекращения обучения. Женщина, согласно местному менталитету, должна находиться дома. По некоторым данным, из девушек, окончивших полный курс учительской семинарии в Бейт-Джале и ставших учительницами в Сирии и Палестине, практически ни одна не вышла замуж (счастливое исключение – Кульсум-оде – Клавдия Васильевна Оде-

Васильева – профессор ЛГУ, позже МГИМО и Высшей дипломатической академии [6, с. 205].

По-государственному, серьезно подходил основатель ИППО к школьному делу на Ближнем Востоке, об этом свидетельствуют его последние выступления и публикации. Так, в «1901 году в газете “Московские ведомости” ... была напечатана его статья “Новое положение Православия в Сирии и Палестине”. Речь шла о том, как французское правительство добилось от Порты официального признания французских школ в Палестине, освобождения их от налогов и таможенных пошлин и предоставления под протекторат Франции... Масштаб предстоявшей работы охарактеризован автором так: “При 200 тысячах православного населения мы имеем 30 тысяч детей школьного возраста; считая в среднем 100 учеников в школе, нам нужно иметь в Сирии и Палестине в самом непродолжительном времени 300 русских школ, но при 300 сельских и городских школах неизбежны хотя бы 2 средних учебных заведения. Вот что нам нужно. Если мы этого не в состоянии сделать, и сделать немедленно, нам остается только удалиться навсегда из Сирии и Палестины”» [1, с. 28].

Анализируя просветительную деятельность ИППО, в отчетном докладе организации за 1901 год Хитрово уточнил: «Нам требуется 300 школ со штатом в 1000 учителей. Кроме того, два средних учебных заведения на 300 человек. Для этого нужны 430 тысяч рублей, мы же расходуем теперь всего 133 тысячи, т. е. меньше трети».

Продолжая работу в заданном направлении, «в 1902 году, уже больной и слабый, он ездил в Константинополь. Чтобы добиться – с помощью Российского Посольства – официального признания Османской Турцией наших учебных заведений в Сирии и Палестине, ему удалось добиться этого» [1, с. 28].

3. Образовательная деятельность ИППО на последнем этапе существования. 1 мая 1902 года фирман султана Абдул-Хаида Второго придал школам ИППО в Сирии и Палестине (84 школы) статус русских учреждений, т. е. они были уравнены с правом школ других государств в регионе. В Палестине было 26, из них 1212 учеников – это 11,4% учеников ИППО в Сирии и Ливане. В 1912 в Палестине учились 10.594 – 14,4% учеников школ и семинарий ИППО. Сравнение: в учебных заведениях Иерусалимской Патриархии в 87 школах учились 4175 учеников, немецких – 3184, французских – 3440, английских 1374, итальянских – 680. Пройдет 10 лет – «и в 1912 году император Николай Второй утвердит [1, с. 28] принятый Государственной Думой законопроект о бюджетном финансировании учебных заведений ИППО в Сирии» [1, с. 29].

В будущем планировалось перенести опыт Сирии и Ливана на школы Палестинского Общества, расположенные в Иудее и Галилее. Но, увы, «завтра была война», время для новых больших начинаний было упущено... Просветительная работа ИППО доныне памятна среди арабской интеллигенции не только Палестины, но и Сирии, и Ливана. Как пишет британский исследователь Дерек Хопвуд, «то, что школа была русской и в ней преподавался русский язык» [1, с. 29], создавало ей определенную репутацию и атмосферу. «Знание русского языка было предметом гордости. И при этом приобщение к русской классике, с её признанными, воспитанными-

ми на Евангелии, на Пушкине и Достоевском “всечеловечности” и “всеотзывчивости”, расширяя духовный кругозор учащихся, облегчало им выход в пространство мировой культуры» [1, с. 30].

Как уже было отмечено в приведенной выше речи Святейшего Патриарха Кирилла, в 1912 году Николаем Вторым был утвержден закон о финансировании из государственного бюджета школ ИППО в Сирии, и планировалось осуществить это же в отношении школ ИППО в Иерусалиме. В июне 1914 план субсидирования ИППО был одобрен и утвержден Николаем Вторым. С началом Первой мировой войны, в августе 1914 года, русские преподаватели выехали в Россию – и семинария закрыла свои двери. Во время английского мандата Общество было вынуждено прекратить свою просветительскую деятельность.

С 1882 по 1914 в русских школах получили образование 10 тысяч арабских школьников. Просветительская деятельность ИППО поражает: сотни различных научных публикаций разного направления, открытия рукописные и археологические, реставрация архитектурных памятников, создание уникальной библиотеки по палестиноведению. А ведь главным источником средств ИППО, содержавшего эти школы, был «кружечный сбор по всем деревням Российской империи в вербную субботу и вербное воскресенье».

Огромен вклад ученых общества в развитие научного востоковедения, палестинского раздела археологии, истории, (например, всемирно известный четырехтомный свод арабских материалов о Палестине от завоевания ее арабами до крестовых походов (Медников, 1897–1903).

Первая мировая война прервала деятельность общества на палестинской территории в самом расцвете. В 1915 году на совещании по вопросу о русских научных интересах в Палестине было признано необходимым существование научного учреждения по палестиноведению, каким явился бы Археологический институт в Иерусалиме с перспективой создания Музея и Библиотеки. Однако этим проектам не удалось сбыться.

Гуманистические и просветительские основы, заложенные ИППО, существуют и сегодня: тысячи палестинских студентов обучаются в РФ. Палестинские историки опираются на работы российских востоковедов.

Периодика ИППО – отчеты Общества, содержащие итоги инспекционных поездок, письма учителей и другие документы, «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», выходившие с 1886 г., – накопили богатейший материал по отечественному востоковедению, собранному подвижниками и старателями международной научной и гуманитарной организации, созданной в России в 1882 году.

Список использованных источников и литературы

1. Лисовой Н. Н. В. Н. Хитрово – основатель Императорского Православного Палестинского Общества / Н. Н. Лисовой // В. Н. Хитрово. К животворящему гробу господню. Рассказ старого паломника. – Москва: Издание Паломнического Центра Московского Патриархата., 2006. – 171 с.
2. Высокопреосвященнейший Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский, Председатель Отдела Внешних Церковных связей Московской Патриархии, член Совета ИППО. Великий миссионер (памяти одного из основателей Императорского Православного Палестинского Общества В. Н. Хитрово. Православный Палестинский сборник. – Москва, 2005. – Выпуск 102. – 223 с.

3. Высокопреосвященнейший Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский, Председатель Отдела Внешних Церковных связей Московской Патриархии, член Совета ИППО. Слово о Палестинском Обществе. Православный Палестинский сборник. – Москва, 2003. – Выпуск 100. – 305 с.
4. Устав Императорского Православного Палестинского Общества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ippo.ru/about/doc/ustav/>
5. Совет по подведению итогов 2014 года от 25 декабря 2014 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ippo.ru/21vek/org/sovet/3/25_12_14/
6. Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. / Н. Н. Лисовой. – М.: «Индрик», 2006. – 512с.
7. Махамид О. Россия и Палестина: диалог на рубеже XIX–XX веков: историко-литературные очерки / Омар Махамид – СПб.: Лики России, 2002. –152 с.
8. Лисовой Н. Н. Феномен А. Н. Муравьева и русско-иерусалимские отношения первой половины XIX века / Н.Н. Лисовой // Православный Палестинский сборник. – Москва: Издание Паломнического Центра Московского Патриархата, 2005. – Выпуск 103. – 224 с.
9. В КФУ состоялась научно-практическая конференция «Почётный член ИППО – Святой Страстотерпец Император Николай Второй». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cfuv.ru/news/v-kfu-sostoyalas-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-pochjotnyj-chlen-ippo-svyatoy-strastoterpec-imperator-nikolaj-vtorojj>
10. В Крымском федеральном университете по инициативе ИППО прошла конференция памяти Николая Второго. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ippo.ru/news/2015/05/simferopol>
- 11 Панин А. Н. Вечная память. В Крыму прошла конференция ИППО / А. Н. Панин., Г. Н. Гришин / Российские вести. Федеральный еженедельник. – 20–26 июня 2015. – № 12–13 (2164–2165). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosvesty.ru/2163/upravlenie/9979-vechnaya-pamyat/>

Bliznyakov R.A. Elucidative activity of EOPS on territory of Palestine in 1882–1917 / R.A. Bliznyakov, S.S. Shchevelev // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 4. – P. 3–10.

The article is devoted to the one of the directions of EOPS humanitarian activity - enlightenment among the Orthodox Arabs of Palestine, Syria and Lebanon. The authors of the article give analysis of the educational establishment activity in the region. The issues related to the development of the national orientalism are touched upon. The overview of the contribution of the scientists-missionaries and devotees to the development of domestic study of Palestine is given. The research has partially bibliographic and historiography character.

The contribution of scientists of the society to the scientific development of Oriental Studies, Palestinian archeology section, history (for example, the world-famous four-volume set of materials on Arab Palestine from its conquest by the Arabs to the Crusades. Mednikov (1897 -1903) is great. The World War I interrupted the society's activities on the Palestinian territory in full bloom. In 1915 at the conference on the issue of Russian scientific interests in Palestine, the existence of scientific institution in Palestine was considered necessary. An archaeological institute in Jerusalem with the prospect of creating a museum and library would have become such an establishment. However, these projects failed to be implemented. Humanistic education and the foundations laid by the society still exist today – thousands of Palestinian students study in Russia. Palestinian historians rely on the works of Russian Orientalists. The periodicals of the society - "The Records of the Society, containing reports, results of inspection visits, teachers' letters and other documents, "The Messages of the Imperial Orthodox Palestinian society», which had been published since 1886, have accumulated a wealth of material on Russian Oriental Studies collected by the scientists-missionaries and devotees of the international scientific and humanitarian organization established in Russia in 1882.

Keywords: EOPS, Palestine, Orthodoxy, V.N. Hitrovo, schools, seminaries.

УДК 929.52_(093.3)«18/19»

ОБРАЗ ФАЛЬЦ-ФЕЙНОВ В МЕМУАРАХ И ДНЕВНИКАХ

Задерейчук А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: zadereychuka@mail.ru*

Рассматриваются мемуары, дневники Фальц-Фейнов и их современников как источник для составления просопографического портрета членов этого рода. Указывается на наличие значительного пласта мемуарной литературы, в которой в большей или меньшей степени представлено описание представителей семьи Фальц-Фейнов. Раскрывается специфика отраженных данных, их информативность и объективность. Анализируется мемуарное наследие самих представителей рода Фальц-Фейнов.

Ключевые слова: мемуары, Фальц-Фейн, Н. Набоков, В. Ф. Шлиппе

Рано или поздно каждый историк в своей работе сталкивается с необходимостью обращения к источникам личного происхождения. Литература мемуарного характера появилась в России еще в XVI в., но чаще всего в то время носила характер памфлета. С конца XVIII – начала XIX вв. с распространением моды «на все французское» русские дворяне, выходя в отставку, стали писать мемуары для дальнейшего прочтения в семейном кругу. Любопытен тот факт, что среди авторов мемуарного жанра в этот период времени особо часто выступали женщины. К концу XIX в. уже вся Россия зачитывалась мемуарами представителей различных социальных слоев и профессий. Огромное количество мемуаров было порождено событиями первой половины XX века. Революции, социальные потрясения, события гражданской и Великой Отечественной войны побуждали людей к написанию их «собственной» истории. Этот жанр продолжает оставаться актуальным и сегодня.

Ученые-источниковеды давно спорят о том, насколько подобные источники достоверны, объективны и ценны для отражения того или иного периода в истории человечества. С одной стороны, мемуары часто содержат в себе информацию личного характера, которую невозможно извлечь ни из какого другого вида источников. Но, с другой стороны, чаще всего мемуарная литература создавалась и создается, прежде всего, образованными людьми, имеющими богатый жизненный опыт, с целью отражения своего взгляда на происходившие события. Они отражают исторические события через призму собственного видения мира автора и его мировоззрения. В связи с указанными фактами при работе с этим видом источника следует быть предельно осторожным и по возможности тщательно проверять представленную в них информацию. Однако с уверенностью можно утверждать, что в создании живых образов тех или иных исторических личностей подчас именно мемуарная литература предстает одним из самых ценных источников. В ней можно найти индивидуальные особенности характера, мысли, чувства, переживания интересующего деятеля, а также картины давно ушедшего в прошлое мира, не отражавшиеся ни в каких официальных источниках. На страницах дневников и мемуаров обычно запечатлеваются не только автобиографические зарисовки их автора, но и сведения о

людях, его окружавших. И чем больше таких упоминаний, тем ценнее становятся подобные источники для профессионала-историка или же любителя-краеведа.

Известный в Российской империи в XIX веке род Фальц-Фейнов не стал исключением. Представители этой фамилии не только многократно становились «героями» в мемуарах и дневниках своих современников, но и сами оставили ряд произведений в этом жанре.

Первым из семьи Фальц-Фейнов воспроизвести историю, правда, не своей жизни, а своего брата Фридриха, решился Владимир Эдуардович Фальц-Фейн, личность по-своему неординарная и интересная. Он родился в родовом имении Аскания-Нова 1 августа 1877 года. Среднее образование получил в Одессе, в Решильевской гимназии, а высшее – на юридическом факультете Новороссийского университета. С 26 лет Владимир активно включился в общественно-политическую жизнь Таврической губернии. Многие годы он являлся гласным уездных и губернского собраний, членом многих комиссий в земстве, а в 1907 году был избран членом III Государственной Думы. Во время русско-японской войны Владимир находился некоторое время на театре военных действий в качестве главноуполномоченного отряда Таврического лазарета. С началом Первой мировой войны, когда Таврический лазарет был открыт в прежних размерах, Владимир Фальц-Фейн уже с января 1916 г. был назначен уполномоченным этим лазаретом, как человек, прошедший с ним русско-японскую войну и знакомый с его работой не понаслышке. Он продолжал работать в лазарете вплоть до его возвращения в Симферополь в 1917 году. Активная общественная и политическая деятельность Владимира была отмечена рядом правительственных наград. Он был орденоносцем Святого Станислава II и III степени, Святой Анны III степени. В годы гражданской войны Владимир был вынужден покинуть родину и переехать вместе с семьей и приемным сыном (по семейной легенде, незаконнорожденным сыном Фридриха Фальц-Фейна) в Берлин, где и умер в 1946 году.

Среди своих шести братьев более всего Владимир Эдуардович Фальц-Фейн общался со своим старшим братом Фридрихом. Они вплоть до самой смерти Фридриха были, пожалуй, наиболее близки друг другу, вместе выступали гласными земских собраний, часто обсуждали произошедшие события, а живя за границей, строили планы о преобразованиях, которые необходимо будет осуществить по возвращении в Россию. Однако когда стало ясно, что этим планам так и не суждено сбыться, Владимир решил оставить о своем знаменитом брате и его творении, уже на то время всемирно известном заповеднике Аскания-Нова, воспоминания. В 1930 году вышла книга на немецком языке [1].

Длительное время она оставалась неизвестной российскому читателю и историкам, однако в 1997 году в Киеве ее переиздали на русском языке [17].

Книга тематически разделена на 13 глав, каждая из которых насыщена различными фактами из жизни не только Фридриха и рода Фальц-Фейнов, но и из общественно-политической жизни региона и страны в целом. Задаваясь целью рассказать об Аскании-Нова как о самом дорогом в жизни своего брата, Владимир начал пове-

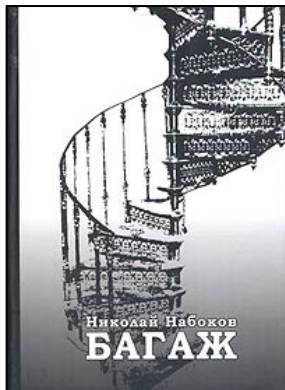
ствование с дофальцфейновского периода. Здесь довольно подробно он описал возникновение самого имения, его первых хозяев, неудачи, постигшие их в освоении территории, процесс продажи имения прадедушке основателя заповедника Фридриху Фейну. Естественно, отдельного внимания автора заслуживает и история самого рода Фальц-Фейнов. Однако здесь, следуя семейным легендам, Владимир дал ошибочное представление о своем предке, который первым прибыл на территорию Российской империи, – Иоганне Георге Фейне. Уже в тексте он оговорился: «действительно ли все произошло так, я судить не могу, но моя мать четко рассказывала мне об этом в том виде, в каком здесь изложено». К сожалению, в главе, посвященной истории рода, Владимир лишь кратко остановился на характеристике его членов, что не может дать полного представления о каждом из них. Естественно, что лейтмотивом повествования являлась сама Аскания-Нова и ее хозяин. В своей книге Владимир Фальц-Фейн предоставил читателю возможность познакомиться не только с общественно-политической деятельностью своего брата (участие в решении национальных, хозяйственных, политических и других вопросов, интересовавших Фридриха), но охарактеризовал его как живого человека, со своими привычками, увлечениями, слабостями. Из воспоминаний Владимира можно узнать о распорядке дня, обычной форме одежды, отношении с женщинами и многом другом, что в значительной мере оживляет образ Фридриха – энтузиаста-природоохранителя и общественного деятеля. Ценны эти мемуары еще и тем, что в них содержится пласт информации о хозяйственной деятельности рода Фальц-Фейнов в целом и Фридриха в частности, об устройстве имений и взаимоотношениях с рабочим персоналом. В нить повествования в книге удачно вплетены характеристики видных деятелей того времени, с которыми в той или иной мере контактировал Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн. Здесь модно встретить упоминания и об известном немецком художнике Хуго Унгевицторе, и о члене Государственного совета Владимире Карловиче Шлиппе, и о генерале от артиллерии Русской императорской армии Владимире Николаевиче Никитине и многих других.

Кроме того, в книге были подняты животрепещущие проблемы того времени: институт самоуправления, национальный и религиозный вопрос, система хозяйствования, положение России на международной арене и прочее. В описаниях по данным вопросам не только указывается позиция Фридриха Эдуардовича, но и проскальзывают высказывания в их отношении самого автора – Владимира Фальц-Фейна, что обогащает представления исследователей о его личном мировоззрении.

Создавая память брату и его творению – Аскании-Нова, Владимиру Эдуардовичу Фальц-Фейну удалось охватить огромный пласт биографической и просопографической информации, касающейся не только представителей рода Фальц-Фейнов, как главных объектов повествования, но и многих общественно-политических деятелей той эпохи.

Еще одним воспоминанием, заслуживающим внимания исследователей, являются мемуары известного русского и американского композитора, писателя и культурного деятеля, наследника двух известных в России фамилий – Набоковых и Фальц-Фейнов – Николая Дмитриевича Набокова. Он был сыном Лидии Эдуардовны Пейкер (в девичестве Фальц-Фейн) и Дмитрия Дмитриевича Набокова. Родился

в имении Любча в 1900 году. Начальное образование получил дома. В 1912 году поступил в Александровский лицей. В 1917 году с матерью покинул Российскую империю. За границей продолжал музыкальное образование в консерваториях Штутгарта, Страсбурга. В 1923 году переехал в Париж и продолжил музыкальное

образование в Сорбонне. Познакомившись в Париже с С. П. Дягилевым, Николай Набоков стал писать музыку к русскому балету. В 1933 году он переехал в США, чтобы читать лекции по музыке, где прожил оставшуюся жизнь и умер в 1978 году. Незадолго до смерти, в 1975 году, в Нью-Йорке были опубликованы воспоминания Николая Набокова «Багаж. Мемуары русского космополита» [8]. В России они были переизданы в журнале «Звезда» только лишь в 2003 году. Значительная часть этого «Багажа» посвящена его жизни в России, детским воспоминаниям, героями в которых выступили в том числе и Фальц-Фейны. Естественно, что многие данные, нашедшие отражение на страницах этих мемуаров, должны тщательно перепроверяться исследователями. Особо пристального внимания требуют даты, упомянутые в тексте. Однако в целом мемуары передают живое восприятие маленького мальчика тех событий, в которых ему довелось принять участие. Детские воспоминания, описанные в книге, Николай Набоков пронес через всю свою жизнь, а следовательно, можно утверждать, что это самые яркие, неизгладимые из памяти впечатления. Именно ими захотелось поделиться уже прошедшему длинную и насыщенную жизнь Николаю Набокову.

Прежде всего, интересны воспоминания, посвященные одному из имений Фальц-Фейнов, – Любче, информации о котором в имеющейся историографической литературе по этому роду нет. Чаще всего исследователи лишь упоминают, что это имение в Белоруссии принадлежало семье Фальц-Фейнов, и указывают его предшественствующего хозяина. Николай Набоков, следуя за детскими воспоминаниями, предоставляет исследователю бесценную информацию о самом имении, имевшихся в его составе хозяйственных учреждениях, распорядку дня, принятому в имении, и многие другие уточняющие сведения, тем самым расширяя представление о собственности Фальц-Фейнов.

Значительная часть детских воспоминаний посвящена бабушке Николая Набокова, Софье Богдановне Фальц-Фейн, и ее главным имениям – Преображенке и Хорлам. Неординарно описал Николай Дмитриевич свое впечатление о Хорлах. Дело в том, что практически все современники сходились во мнении, что это был удивительный внешне город: «похож: на оранжерею среди прудов и экзотических клумб; вдоль широких улочек белели односемейные дома, утопавшие в цветении фруктовых деревьев» [9, с. 11]. А вот на юного отпрыска Хорлы произвели самое угнетающее впечатление, что он и отразил в воспоминаниях: «пыль здесь вечно стояла столбом, воздух пропитался запахом овечьей шерсти и невыделанных шкур. К порту примыкал жалкий городок – несколько прямых улиц с низенькими белыми,

далеко отстоявшимися друг от друга домами, окруженными чахлой зеленью» [8, с. 33].

«Багаж» Н. Д. Набокова значительно обогащает представление исследователей об обыденной и праздничной жизни Фальц-Фейнов и их имений. В воспоминаниях тщательным образом описываются распорядок дня в Преображенке в будничные и праздничные дни, порядок приема пищи, отношение к детям в семье Софьи Богдановны Фальц-Фейн. Здесь есть сведения о музыке, звучавшей в имениях, спортивных занятиях членов рода Фальц-Фейн, а также о религиозных предпочтениях самой хозяйки Преображенки. Особо ценными последние данные могут показаться тем современным краеведам-исследователям, которые всеми силами стремятся собрать доказательства для причисления убиенной Софьи Богдановны Фальц-Фейн к святым мученикам Русской православной церкви.

В 1999 году в Санкт-Петербурге вышла книга «Письма из Maison Russe», написанная сестрами Екатериной Достоевской (женой сына писателя Ф. М. Достоевского) и Анной Фальц-Фейн (1-ая жена Александра Эдуардовича Фальц-Фейна) [10]. Женщины происходили из семьи потомственного дворянина Петра Григорьевича Цугаловского, отличившегося в Крымскую войну. Родились с разницей в пять лет и всю жизнь были неразлучны друг с другом. Им пришлось прожить трудную, насыщенную потерями и бедствиями жизнь. Екатерина рано потеряла мужа, у Анны семейная жизнь не сложилась. Обе женщины рано потеряли своих детей: у Анны сын погиб в годы первой мировой войны, Екатерину судьба навсегда развела с сыном в годы Великой отечественной войны. Обе сестры, пережив оккупацию в Крыму, в Симферополе, вынуждены были покинуть город вслед за ушедшими немцами; сначала попали в Румынию, затем скитались (Польша, Германия), пока, в конце концов, не оказались в Русском доме в Ментоне, где прожили остаток своих дней вплоть до 1958 года. Сестры вели обширную переписку с деятелями русской культуры за рубежом, результатом которой и стала изданная в 1999 году книга.

Информации по биографиям и истории представителей рода Фальц-Фейнов в этой книге не так много, но, тем не менее, она представляет определенный интерес. Так, в одном из писем А. П. Фальц-Фейн рассказывает о судьбе имений Преображенка и Гавриловка в революционные годы: «Изумительный дворец моей свекрови, Преображенка у Перекопа, – 72 больших комнаты и зала, – сожжен. Дворец моего мужа и мой – 45 комнат – сожжен. Дом не хотел гореть. Они забили его соломой до второго этажа, но дом все равно не хотел гореть. Тогда из соседнего города Херсона они привезли бочки с керосином. Идиоты. Они же могли организовать детские сады, дома для престарелых, школы» [10, с. 43].

Как мать, А. П. Фальц-Фейн не могла не писать в своих письмах о собственном сыне – Александре Александровиче Фальц-Фейне. Он был одним из первых русских летчиков-конструкторов. В своих воспоминаниях мать рассказывает о том, как Александр увлекся авиацией, о его успехах в Качинской летной школе, о его ране-

нии во время Первой мировой войны, дальнейшем осложнении – заболевании туберкулезом – и последовавшей за этим смерти. Пожилая женщина путается в датах, приводимых в тексте, однако в целом информация находит подтверждение и в других источниках.

Одним из последних опубликованных мемуарных произведений представителей рода Фальц-Фейнов на сегодняшний день является книга Н. Данилевич «Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа» [4]. Она составлена по записям бесед с ныне живущим в Лихтенштейне бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном, родным племянником основателя заповедника Аскания-Нова. Всю свою жизнь Эдуард Александрович по крупицам собирал сведения о своей семье и бережно хранил тот архив, который достался ему по наследству. Опираясь на все эти сведения, он смог более или менее подробно с использованием семейных легенд передать историю рода Фальц-Фейнов, проживших на юге Российской империи более ста лет.

Книга не лишена журналистских оборотов, вымышленных диалогов, что делает ее более привлекательной для среднестатистического читателя. Он как будто погружается вместе с автором в описываемую эпоху; эмоциональность описаний скрадывает фактологические неточности.

Однако для исследователей в данном издании, скорее всего, интереснее будут сведения, приведенные бароном во второй части книги, – о собственной, насыщенной событиями и известными людьми жизни. В них показаны этапы формирования той личности, которая уже на протяжении многих десятилетий привлекает внимание мировой общественности. Повествование насыщено интересными историями из жизни известных культурных, общественных, политических деятелей, которые по ходу рассказа вплетает в сюжет Эдуард Александрович Фальц-Фейн. Возможно, кто-то сможет упрекнуть его в том, что это полуполюгендарные рассказы, не имеющие официально-

го документального подтверждения, но их наличие расширяет горизонты биографических исследований по многим незаурядным личностям своего времени.

Среди мемуарных произведений членов рода Фальц-Фейнов, кроме уже опубликованных в разные годы, существуют и такие, которые до сегодняшнего дня находятся в архивных фондах России и ждут своего издания. В частности, можно говорить о воспоминаниях Веры Николаевны Фальц-Фейн (урожденной Епанчиной), хранящихся в РГИА в фонде Фальц-Фейнов [11]. До настоящего времени исследователи имеют возможность познакомиться лишь с выдержкой из мемуаров, оставленных В. Н. Фальц-Фейн. Она была опубликована в журнале «Наше наследие» в 1998 году под названием «Россия тогда кормила Европу» [16].

Вера Николаевна Епанчина была дочерью генерала от инфантерии, директора Пажеского Его Императорского Величества корпуса Николая Алексеевича Епанчина и Веры Карловны (урожденной Кульстрем). Она родилась в 1885 году в Санкт-Петербурге, в 1910 году вышла замуж за Александра Эдуардовича Фальц-Фейна, с

которым прожила в счастливом браке вплоть до его безвременной кончины в 1919 году. Жизнь этой женщины нельзя назвать легкой: она практически одна воспитывала детей, разбиралась с бедственным положением семьи в эмиграции. В целом она прожила богатую событиями, но непростую жизнь, о чем и оставила свои воспоминания. Они состоят из нескольких тетрадей, написанных собственноручно В. Н. Фальц-Фейн. Первая тетрадь охватывает период с 1855 по 1913 года и повествует о детстве, семье, поездках на отдых, о знакомстве в Ницце с будущим мужем 46-летним Александром Эдуардовичем Фальц-Фейном и его дочерью Ольгой, подготовке к свадьбе, знакомстве с родственниками мужа и первых годах семейной жизни до рождения сына Эдуарда. Воспоминания насыщены не только событиями из личной жизни Веры Николаевны и впечатлениями от поездок, но и именами общественных и политических деятелей той эпохи. Вторая тетрадь посвящена 1913–1970 годам, большая часть этого периода – о жизни в эмиграции и трудностях, с которыми столкнулась В. Н. Фальц-Фейн: смерти свекрови и имущественных делах, связанных с ней; смерти мужа, личной жизни с последующими предложениями о замужестве, об общественной жизни, которую вела автор в эмиграции, о членах семьи Епанчиных и семьи мужа и, конечно же, о детях, их образовании, личной жизни. Последняя тетрадь охватывает последние годы жизни Веры Николаевны Фальц-Фейн, 1970–1976. В целом, дневники, оставленные В. Н. Фальц-Фейн, содержат бесценную информацию о личной жизни, характерах, поступках, хозяйственной деятельности семьи Фальц-Фейн, тем самым значительно обогащая сведения о них и в еще большей мере оживляя их образы для исследователей.

Фигурируют Фальц-Фейны и в воспоминаниях своих родственников по свойству Скадовских. Один из потомков этой семьи, Борис Сергеевич Скадовский (двоюродный брат барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна), в 1998 году на конференции, посвященной столетию заповедования асканийской степи, выступил со своими воспоминаниями о Владимире Эдуардовиче Фальц-Фейне [12]. В своем рассказе С. Б. Скадовский дал общее представление о жизни Владимира Эдуардовича в Российской империи, все факты общеизвестны. Интерес могут представлять лишь высказывания уполномоченного Императорского Московского общества сельского хозяйства по обследованию скотоводческих хозяйств юго-восточной и южной России М. Н. Востокова о качестве ведения хозяйства в экономах Владимира Фальц-Фейна и его отношении к этому делу, приведенные в тексте выступления: «Сам хозяин всецело поглощен своим хозяйством, и все, что только наука сказала в последнем своем слове, можно найти в его экономии Дорнбург» [3, с. 27–29]. Подобное высказывание дополняет впечатление о Владимире Фальц-Фейне не только как об общественном деятеле, но и как о рачительном хозяине. Более информативна вторая часть воспоминаний, посвященная жизни Владимира Эдуардовича за границей. Здесь есть сведения о семейной жизни Владимира, местах его проживания, его душевных переживаниях, упоминания о его родственниках по жене, а также о его трагической смерти.

Род Фальц-Фейнов был столь известным и неординарным в Российской империи, что упоминания о его представителях можно встретить в мемуарах совершенно различных людей: у жены Л. Н. Толстого Софьи Андреевны Толстой [14], у дирек-

тора департамента министерства земледелия, активного деятеля столыпинской аграрной реформы Федора Владимировича Шлиппе, революционного деятеля XX века, идеолога троцкизма Льва Давыдовича Троцкого, видных ученых того времени: Дмитрия Николаевича Анучина, Михаила Михайловича Завадовского, Петра Кузьмича Козлова и его жены Елизаветы Владимировны и многих других.

Федор Владимирович Шлиппе находился в родстве с Фальц-Фейнами, посещал их имения, о чем и оставил заметки в своих воспоминаниях [18]. В них он говорит о Софье Богдановне Фальц-Фейн и ее прекрасном имении Преображенка, об имении Аскания-Нова, а также о Александре Ивановиче Фальц-Фейне, его страстном увлечении охотой и незабываемом для Шлиппе дорогим подарке, сделанном последним.

Будучи соседом Фальц-Фейнов по имениям, не мог обойти их вниманием в своих мемуарах и Л. Д. Троцкий [15]. Даже несмотря на то, что информация самая общая – прежде всего, о благосостоянии семьи, – обращает на себя внимание тот факт, что этот род был упомянут вообще и как один из самых богатых и успешных на юге империи в частности.

Среди научной элиты, естественно, внимание в воспоминаниях и отзывах заслуживал Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн. Известные природоохранные деятели того времени в самых ярких красках описывали деятельность и натуру хозяина Аскании-Нова. Пионер охраны природы России академик И. П. Бородин писал: «Из частных лиц с особенным уважением и благодарностью следует отметить деятельность Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна. Его имение Аскания-Нова... пользуется европейской известностью благодаря оригинальному зоологическому саду... Но в данном случае еще важнее то обстоятельство, что в том же имении Аскания-Нова Ф. Э. Фальц-Фейн устроил (в 1898 году) два защитных участка девственной степи...» [2, с. 23]. Побывавший в Аскании-Нова российский учёный-биолог М. М. Завадовский о Ф. Э. Фальц-Фейне и его деле в не менее лестных фразах вспоминал: «Меня безгранично изумляло дело его рук, каждое дерево, каждая рощица или прудок были им продуманы и поражают цельностью назначения. Этот человек не любил писать, и то немного, что значится в литературе под его именем, часто написано лишь по его указанию. Его талант ушел в дело, в организацию, в создание крупного произведения совершенно особого рода... С необычайной энергией он развешивал дело своей жизни, отдавая ему свой талант, свою редкой силы волю и средства» [5, с. 12]. Подобные цитаты мы найдем практически в каждом труде известного ученого, занимавшегося природоохранной деятельностью [6, 7, 13]. Все они единогласно сходились во мнении о том, что Фридриха Фальц-Фейна по праву можно причислить к энтузиастам-природоохранникам, которые из чистой любви к природе, без какого-либо желания заработать на этом деле капиталы, вкладывали свои силы и средства в поддержание экологического баланса в мире. Эти высказывания в очередной раз подтверждают образ Фридриха Фальц-Фейна как страстного любителя окружающей природы, а также указывают на отношение к нему в ученом мире. Одновременно они опровергают созданный в советской исторической литературе стойкий штамп о том, что Фридрих был лишь барчук с причудами, который все делал лишь для собственного развлечения, исключая всякую научную основу его деятельности.

Таким образом, делая краткий обзор литературы мемуарного жанра, дошедшей до наших дней, становится очевидным тот факт, что упоминание семьи Фальц-Фейнов в воспоминаниях общественных, политических, культурных деятелей той эпохи было достаточно распространенным явлением. В ряде случаев мы имеем лишь самые краткие высказывания о встрече с тем или иным представителем этого рода в каких-либо жизненных ситуациях. Однако имеется и достаточное количество мемуаров, в которых семья Фальц-Фейнов предстает перед читателем в совершенно разных ракурсах, дополняющих и обобщающих уже имеющиеся сведения. Отдельным блоком мемуарной литературы выступают воспоминания представителей самого рода. Они в значительной мере характеризуют жизнь этого рода на протяжении более ста лет на территории Российской империи, указывают на достижения и трудности представителей этой семьи в общественной, хозяйственной, политической и личной жизни.

Список использованных источников и литературы

1. Falz-Fein V. Ascania-Nova. – Berlin, 1930. – 332 s.
2. Анучин Д. Н. Охрана памятников природы / Д. Н. Анучин. – М., 1914. – 42 с.
Anuchin D. N. Okhrana pamyatnikov prirody / D. N. Anuchin. – М., 1914. – 42 s.
3. Востоков М. Н. Вл. Э. Фальц-Фейн (Имение «Дорнбург», в 45 верстах от ст. «Ново-Алексеевка», Таврической губернии) // Двигатель сельского хозяйства. – М., 1903. – С. 27–29.
Vostokov M. N. Vl. E. Fal'ts-Fejn (Imenie «Dornburg», v 45 verstakh ot st. «Novo-Alekseevka», Tavricheskoy gubernii) // Dvigatel' sel'skogo khozyajstva. – М., 1903. – С. 27–29.
4. Данилевич Н. Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа / Н. Данилевич – М.: Изобразительное искусство, 2001. – 227 с.
Danilevich N. Baron Fal'ts-Fejn. Zhizn' russkogo aristokrata / N. Danilevich – М.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 2001. – 227 s.
5. Завадовский М. М. Общий очерк развития Аскании-Нова / М. М. Завадовский // Аскания-Нова. Степной заповедник Украины / ред.: М. М. Завадовский, Б. К. Фортунатов. – М.: Госгиз, 1924. – С. 1–60.
Zavadovskij M. M. Obshhij ocherk razvitiya Askanii-Nova / M. M. Zavadovskij // Askaniya-Nova. Stepnoj zapovednik Ukrainy / red.: M. M. Zavadovskij, B. K. Fortunatov. – М.: Gosgiz, 1924. – С. 1–60.
6. Козлов П. К. Аскания-Нова (Чапли). Первые опыты акклиматизации животных в России / П. К. Козлов. – Петроград: Тип. И. В. Леонтьева, 1915. – 43 с.
Kozlov P. K. Askaniya-Nova (Chapli). Pervye opyty akklimatizatsii zhivotnykh v Rossii / P. K. Kozlov. – Petrograd: Tip. I. V. Leont'eva, 1915. – 43 s.
7. Козлова Е. Аскания-Нова: зоопарк в южно-русских степях / Е. Козлова. – Петроград: Начатки знаний, 1923. – 132 с.
Kozlova E. Askaniya-Nova: zoopark v yuzhno-russkikh stepyakh / E. Kozlova. – Petrograd: Nachatki znaniy, 1923. – 132 s.
8. Набоков Н. Д. Багаж. Записки русского космополита / Н. Д. Набоков. – СПб.: Звезда, 2003. – 368 с.
Nabokov N. D. Bagazh. Zapiski russkogo kosmopolita / N. D. Nabokov. – SPb.: Zvezda, 2003. – 368 s.
9. Пикуль В. С. В ногайских степях / В. С. Пикуль. – М.: АО «Деловой центр», 1993. – 26 с.
Pikul' V. S. V nogajskikh stepyakh / V. S. Pikul'. – М.: АО «Delovoj tsentr», 1993. – 26 s.
10. Письма из Maison Russe. (Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции). Пер. с нем. Р. Г. Гальперина, вст. ст., сост., подг. текста В. Г. Безносова и Б. Н. Тихомирова. – Санкт-Петербург. Акрополь 1999г. – 352 с.
Pis'ma iz Maison Russe. (Sestry Anna Fal'ts-Fejn i Ekaterina Dostoevskaya v eh migratsii). Per. s nem. R. G. Gal'perina, vst. st., sost., podg. teksta V. G. Beznosova i B. N. Tikhomirova. – Sankt-Peterburg. Akropol' 1999g. – 352 s.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 196.
Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv. F. 1699. Op. 1. D. 196.

12. Скадовский Б. С. Воспоминания о Владимире Фальц-Фейне // Актуальні питання збереження і відновлення степових екосистем: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю заповідання асканійського степу (Асканія-Нова, 21–23 травня 1998 р.). – Асканія-Нова, 1998. – С. 129–132.

Skadovskij B. S. Vospominaniya o Vladimire Fal'ts-Fejne // Aktual'ni pitannya zberezheniya i vidnovlennya stepovikh ekosistem: Materiali mizhnarodnoї naukovoi konferentsii, prisyachenoi 100-richchyu zapovidannya askanijs'kogo stepu (Askaniya-Nova, 21 – 23 travnya 1998 r.). – Askaniya-Nova, 1998. – S. 129–132.

13. Талиев В. И. Охраняйте природу / В. И. Талиев. – Харьков, 1914. – 14 с.

Taliev V. I. Okhranyajte prirodu / V. I. Taliev. – Khar'kov, 1914. – 14 s.

14. Толстая С. Мой муж Лев Толстой / С. Толстая. – М.: АСТ, 2014. – 384 с.

Tolstaya S. Moj muzh Lev Tolstoj / S. Tolstaya. – M.: AST, 2014. – 384 s.

15. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии / Л. Д. Троцкий. – М.: Прозаик, 2014. – 479 с.

Trotskyj L. D. Moja zhizn'. Opyt avtobiografii / L. D. Trotskij. – M.: Prozaik, 2014. – 479 s.

16. Фальц-Фейн В. Н. «Россия тогда кормила Европу...»: Публикация Э. А. Фальц-Фейна. (Об имени Фальц-Фейново и заповеднике Аскания-Нова на юге России до революции.) / В. Н. Фальц-Фейн // Наше наследие. – 1998. – № 46. – С. 84–91.

Fal'ts-Fejn V. N. «Rossiya togda kormila Evropu...»: Publikatsiya E. A. Fal'ts-Fejna. (Ob imenii Fal'ts-Fejnovo i zapovednike Askaniya-Nova na yuge Rossii do revolyutsii.) / V. N. Fal'ts-Fejn // Nashe nasledie. – 1998. – № 46. – S. 84–91.

17. Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова / В. Э. Фальц-Фейн. – К.: Аграрна наука, 1997. – 348 с.

Fal'ts-Fejn V. E. Askaniya-Nova / V. E. Fal'ts-Fejn. – K.: Agrarna nauka, 1997. – 348 s.

18. Шлиппе Ф. В. Автобиографические записки / Ф. В. Шлиппе // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – [Т. XVII]. – С. 25–167.

Shlippe F. V. Avtobiograficheskie zapiski / F. V. Shlippe // Rossijskij Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh. – M.: Studiya TRITEH: Ros. Arkhiv, 2008. – [T. XVII]. – S. 25–167.

Zadereychuk A. A. Image Faltz-Fein in the memoirs and diaries / A. A. Zadereychuk // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 4. – P. 11–20.

Considers memoirs, diaries and memoirs Faltz-Fein and their contemporaries, as a source for compiling prosopograficheskogo portraits of members of this genus. It indicates the presence of a significant body of memoirs in which more or less describes the representatives of the family Faltz-Fein. During the study found the individual character traits, thoughts, feelings, experiences, interest figure. First of all, people's memories are selected who knew themselves Faltz-Fein, or are their relatives on the property, such as FV Schlippe or BS Skadovsk. It becomes apparent that these memoirs are largely fill the gaps in the life of the genus Faltz-Fein about their life in exile. The article deals with the specifics of the reflected data, their information content and objectivity. It is noted that, as for the entire memoir literature, has studied the factual inaccuracies that have already been identified by the author during the previous investigations. In addition, analyzes of published and unpublished memoirs heritage themselves members of the genus Faltz-Fein. It becomes obvious that the memories written Faltz-Fein, are of interest not only among historians, but also a wide range of readers. This is evidenced by their repeated publication and reprint in English, German and Russian languages. However, it is noted that a number of documents written by members of the genus Faltz-Fein until today there are only archival documents, access to which can receive only professional researchers. In general, this article shows the possibility of forming the image of the family through the prism of memoirs.

Keywords: memoirs, Faltz-Fein, N. Nabokov, V. F. Schlippe

УДК 908:321

К БИОГРАФИИ ТАВРИЧЕСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА МАТВЕЯ МАТВЕЕВИЧА МУРОМЦОВА

Кравчук А. С.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: alexandrkravchuk@ukr.net**

В статье восстановлены ключевые вехи жизни и деятельности государственного деятеля первой половины XIX в. Матвея Матвеевича Муромцова. Особое внимание уделено крымскому периоду его службы в должности таврического гражданского губернатора. В рассматриваемую эпоху ключевую роль в управлении краем играл М. С. Воронцов, который занимал должность Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области, большинство чиновников в регионе назначались по его инициативе. М. М. Муромцов был определен в должность по протекции министра финансов и личной инициативе Николая I, поэтому являлся для местных служащих «человеком со стороны». Это привело к конфликтам с подчиненными и к тому, что служащие под его началом всячески пытались добиться смещения губернатора, что в итоге им и удалось. М. М. Муромцов не отличался инициативностью, однако достаточно успешно справлялся со стоящими перед ним задачами. Во время его губернаторства в регионе продолжалось поступательное развитие, не возникало чрезвычайных происшествий.

Ключевые слова: Таврическая губерния, таврический губернатор, Крым, М. М. Муромцов, Симферополь, Баловнево.

Изучение просопографических портретов таврических гражданских губернаторов позволяет не только восстановить картину жизни и деятельности отдельных чиновников, но и понять основные тенденции развития региона в первой половине XIX в. Это становится возможным благодаря тому, что руководители губернии находились в эпицентре важнейших событий, происходящих во вверенной им в управление административной единице. Именно на них замыкалось управление в регионе.

Девятым таврическим губернатором был Матвей Матвеевич Муромцов (1791–1879) [4, с. 369–370]. Он родился в Москве от второго брака Матвея Васильевича (1734–1799) и Екатерины Александровны Волковой (1766–1813). Отец был квартирмейстером у графа П. А. Румянцева-Задунайского (1725–1796), позже – губернатором в Туле. Точная дата рождения будущего таврического губернатора неизвестна – сам он считал, что это 1791 г. [2, с. 59].

М. М. Муромцов получил домашнее образование, хорошо знал немецкий и французские языки [23, с. 40–41]. Матвей Матвеевич вспоминал, что дома их воспитывали в спартанских условиях – дети всегда были легко одеты, и их жестоко наказывали за малейшие провинности. В 1803–1804 гг. он обучался в пансионе Фонка и Дюре в Москве [2, с. 65]. В 1807 г. М. М. Муромцов вместе с братом Петром начал службу в лейб-гвардии Измайловского полка в звании подпрапорщика [32, л. 1–2]. В марте 1809 г. он получил звание прапорщика и был направлен в Финляндию, где служил в городе Або, в этом же году его назначили адъютантом к князю С. Ф. Голицыну (1749–1810), командующему корпусом в Галиции [2, с. 71–72]. В

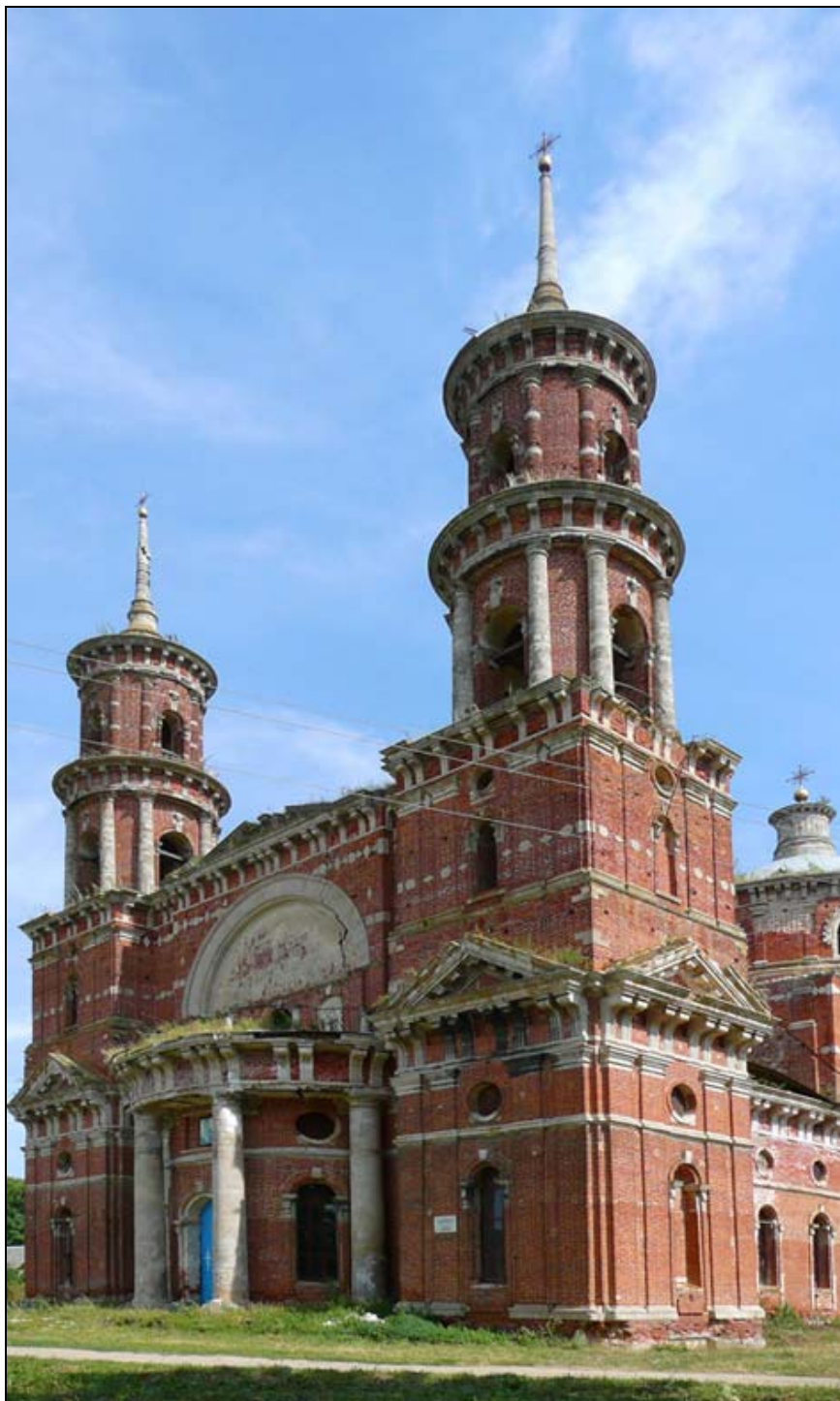
1811 г. Матвей Матвеевич получил звание подпоручика. В этот период своей жизни М. М. Муромцов жил бедно, вот что он писал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Дома мы не имели средств, чтобы порядочно поесть. [...] Матушка присылала нам денег едва достаточно для обмундировки» [2, с. 70].

В Отечественной войне 1812 года будущий губернатор сначала был адъютантом генерал-лейтенанта Н. И. Лаврова (1761–1813), а затем – начальника Главного штаба 1-й Западной армии А. П. Ермолова (1777–1861) [3, с. 366–367]. Во время отступления русских войск от Смоленска получил тяжелое ранение в голову, за что был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом [3, с. 369]. Вернулся в строй только в 1813 г. [4, с. 369–370]. За участие в сражениях при Дрездене и Кульме 30 августа 1813 г. получил прусский орден «За заслуги» и орден Св. Анны 2 степени [32, с. 3–5], в 1816 г. – звание штабс-капитана с назначением в Кабардинский пехотный полк полковником [32, с. 3–6].

В 1816 г. М. М. Муромцов женился на Екатерине Гавриловне Бибиковой (1792–1831) [21, с. 37]. После свадьбы они проживали в родовом имении в Баловнево. Имение, процветавшее при жизни его отца, снова стало одним из самых обустроенных в Рязанской губернии.

Имение Баловнево

Владимирская церковь в Баловнево

Егор Францевич Канкрин

В 1820 г. по настоянию министра финансов Е. Ф. Канкрин (1774–1845) М. М. Муромцов вернулся на службу, но уже по гражданскому ведомству. Сначала будущий губернатор служил в Министерстве финансов, а позже в этом же году получил звание коллежского советника и назначение владимирским вице-губернатором [32, с. 3–6]. М. М. Муромцов так характеризовал этот этап своей жизни: «Я был молод и фанатик исполнения обязанностей. Все силы и средства употребил за смотрением [...]. В то время большая часть вице-губернаторов нажили огромное состояние (в ведомство вице-губернаторов входило управление винными откупам, что давало возможность нажиться, используя служебное положение) без наказанно. Они получили вес в публике и теперь имеют места и значения. Стоило ли быть честным человеком? Ни общее мнение, ни правительство за это не награждают, даже почитают глупыми тех, кто не воспользовался случаем» [3, с. 388]. 10 июня 1821 г. он получил звание статского советника и перевод в Тамбовскую губернию на должность вице-губернатора. В 1822 г. Матвей Матвеевич по собственному прошению был уволен со службы по состоянию здоровья: давали о себе знать раны, полученные на военной службе. После отставки отправился на лечение в Кисловодск и Пятигорск [32, с. 3–6].

В августе 1822 г. будущий таврический губернатор возвратился в Москву. В это же время он стал близким другом М. А. Фонвизина (1787–1854) – одного из руководителей московской ячейки Союза благоденствия. Под влиянием друга примкнул к декабристам. М. М. Муромцов вспоминал: «Разговоры были тайные: осуждали правительство, писали проекты, перемены администрации и думали даже о низверже-

нии настоящего порядка вещей» [3, с. 390]. В ходе следствия он не был признан участником тайного общества.

В 1826 г. Матвей Матвеевич был избран предводителем дворянства Рязанской губернии, в своих мемуарах он отметил: «Я никуда не хотел выбираться, а только посмотреть; вместо того меня уговорили и единогласно выбрали в предводители» [3, с. 392]. На следующее трехлетие он не стал выдвигать свою кандидатуру.

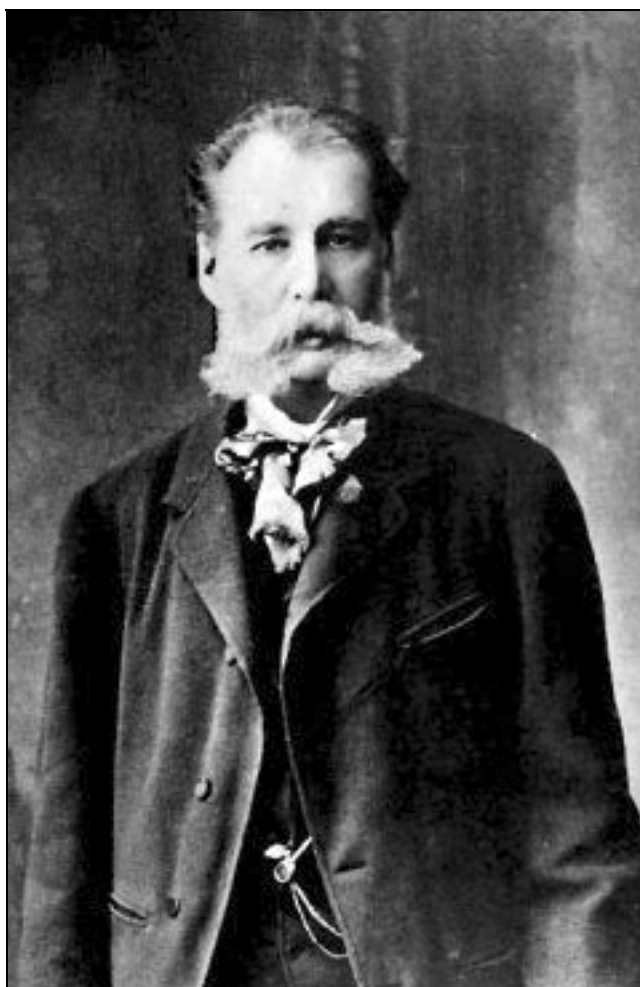
По представлению Е. Ф. Канкрин с 17 ноября 1830 г. Матвей Матвеевич занял пост саратовского вице-губернатора. После перевода саратовского губернатора В. И. Рославца в Енисейскую губернию с 14 мая по 23 октября 1831 г. М. М. Муромцов исполнял обязанности губернатора. За заслуги по прекращению холеры в губернии в 1832 г. получил благоволение императора [32, с. 6–7].

С 24 февраля по 1 июня 1833 г. Матвей Матвеевич исполнял обязанности Санкт-Петербургского гражданского губернатора и 23 марта 1834 г. получил звание статского советника. С 1835 г. он был членом общего присутствия Департамента разных податей и сборов [32, с. 7].

Климат столицы негативно влиял на здоровье М. М. Муромцова, именно поэтому он с радостью принял предложение назначения в Крым: «Южный край, Крым прельстили меня. Я согласился, тем более, что без всякого искательства я получаю место» [3, с. 394]. Он вспоминал, что сам император снабдил его наставлениями перед отъездом: «С неприятностью говорил о управлении графа Воронцова, особенно сердился, что он себя окружил поляками, в угождение жены своей. “Я этому положу предел”, – говорил император. Отпуская меня, он сказал: “Наш разговор останется тайною, смотри не проговорись, а в августе я у тебя буду в гостях, поспеши ехать к своему месту”. Следовательно, я не мог терять время и приехал в мае же месяце в Симферополь» [3, с. 394]. С 22 февраля 1837 г. Матвей Матвеевич был назначен исполняющим обязанности таврического гражданского губернатора. В том же году 20 сентября «За устройство и порядок, найденный его императорским величеством во время проезда по Таврической губернии» чиновнику было объявлено монаршее благоволение [32, с. 8–10]. Менее чем через год – 21 июня 1838 г. – М. М. Муромцов был утвержден в должности таврического гражданского губернатора [8]. За успешное взыскание податей и недоимок в 1838 и 1839 гг. ему объявлялось «особое удовольствие Его Императорского Величества» [32, с. 9–10].

Ситуация в регионе в этот исторический период в отличие от первых десятилетий XIX в. была стабильной и позволяла проводить обширные преобразования [24, с. 189–194]. Назначение 7 мая 1823 г. на пост новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области графа М. С. Воронцова кардинально изменило положение дел в Новороссийском крае. Уровень доверия императора к высшему должностному лицу в регионе был настолько высок, что позволял М. С. Воронцову перемещать не только рядовых служащих в пределах Новороссийского края, но и губернаторов. Такая кадровая политика превращала начальников губерний в молчаливых исполнителей его воли. М. С. Воронцов вел частную переписку с отдельными чиновниками и жителями Таврической губернии, что существенно влияло на положение служащих, которые оказывались зависимыми не только от своего начальника, но и от мнения людей, состоявших с ним в переписке. Подоб-

ная ситуация способствовала интригам против губернаторов и их столкновению с местными элитами. И если М. М. Муромцову удавалось избегать трений с вышестоящим начальством, то ссоры с подчиненными были обычным явлением. Это было неудивительно: большинство чиновников в регионе получали свои назначения по протекции М. С. Воронцова, а М. М. Муромцов был человеком «со стороны». Анализ архивных материалов показал, что в этот период сократилось число представлений о награждении государственных служащих по представлению губернатора, зато увеличилось их количество от имени новороссийского генерал-губернатора. Чиновничество Таврической губернии пыталось добиться отставки своего начальника, однако личное покровительство со стороны Николая I не позволяло М. С. Воронцову сместить М. М. Муромцова без весомой причины.

Леонид Матвеевич Муромцов (сын М. М. Муромцова)

Именно в таких условиях и приходилось работать Матвею Матвеевичу. Благодаря инициативе губернатора за счет доходов, полученных от вакуфных земель, в конце 1837 г. в Симферополе было устроено богоугодное заведение для неимущих мусульман [12, л. 21–29]. При непосредственном участии губернатора мусульманскому духовенству было разрешено поступать на гражданскую службу в Таврической губернии. Особенно популярной в этой социальной среде была служба в должности переводчиков [19, л. 2–5]. Малоэффективной оказалась деятельность М. М. Муромцова по внедрению в губернскую систему управления института становых приставов. Эта полицейская должность была учреждена в 1837 г. по положению о земской полиции. Губернатору не удалось завершить создание полицейско-административных округов вплоть до своего смещения [13].

В период губернаторства М. М. Муромцова начался отпуск средств на сохранение памятников архитектуры в Таврической губернии. Так, в 1837 г. было выделено 800 руб. на починку древних ворот в Евпатории, а остаток этой суммы мог быть израсходован по усмотрению губернатора на реставрацию других объектов в регионе [14, л. 15–59]. Была выделена сумма и на сохранение двух гробниц крымских ханов в Бахчисарае [9, с. 2–32].

Одной из важнейших личных заслуг М. М. Муромцова можно считать создание в губернии специального комитета, который должен был разработать правила пользования проточными водами в Крыму. Острая нехватка воды на полуострове приводила к серьезным конфликтам между землевладельцами. Так, некоторые из них перегораживали реки и создавали собственные небольшие водохранилища, что приводило к столкновениям с другими собственниками земли, вода до которых переставала доходить [11].

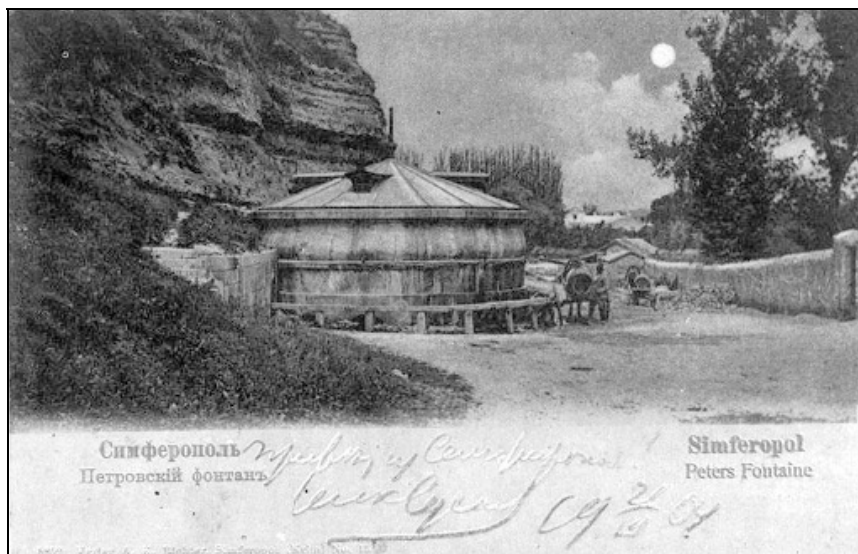
При поддержке губернатора продолжалось интенсивное строительство во всех уездах губернии. В Симферополе в период с 1837 г. по 1840 г. было возведено 204 каменных сооружения, одесским мещанином Филиппом Бокариусом была открыта частная гостиница, продолжалось обустройство гостиного двора [33, л. 6]. Неоднократно Матвей Матвеевич обращался к министру внутренних дел с просьбой о сооружении тюрем в губернии [33, л. 4]. В Феодосии француз Клари начал возведение прядильной фабрики [15, л. 1–5], был разработан проект городского маяка [10, л. 2–5], в Перекопе была построена больница [16, л. 3–24]. В 1837 г. в Таврической губернии появился Ялтинский уезд. В 1839 г. было принято решение открыть уездное училище в Бердянске, учебное заведение начало функционировать в 1842 г. [17, л. 27]. В 1841 г. Симферопольская мужская казенная гимназия переехала в здание, купленное у генерал-майора Ф. Д. Ревелиоти, где находится и по сей день. Отметим, что быстрее всего в Таврической губернии развивались Бердянск и Керчь-Еникальское градоначальство. В Симферополе благодаря содействию губернатора и М. С. Воронцова был построен первый в городе памятник в честь князя В. М. Долгорукова-Крымского и его победы над турецкими войсками. Торжественное открытие монумента произошло 5 апреля 1842 г. [18, л. 1–8].

В период губернаторства М. М. Муромцова прекратило существование Крымское виноградно-е училище в Судаче, созданное 21 мая 1804 г. губернатором Д. Б. Мертваго. В 1841 г. большинство учащихся было переведено в Училище садо-

водства, располагающееся недалеко от Кишинева. Сами виноградные сады и здания отдавались на откуп чиновнику Пикару [20, л. 131–141]. При Матвее Матвеевиче в 1838 г. началось издание «Таврических губернских ведомостей», а 1 мая 1839 г. в Симферополе была открыта Таврическая палата государственных имуществ [31].

Любопытна информация, содержащаяся в отчете губернатора [25, с. 143–144]. Отчеты таврических гражданских губернаторов первой половины XIX в. позволяют воссоздать общую картину положения в регионе и являются фактически единственным источником, в котором можно почерпнуть статистические данные [27, с. 77–81]. Так, в отчете за 1840 г. губернатор давал следующую информацию о состоянии сферы образования: «В Таврической губернии находится одна гимназия, 15 приходских и уездных училищ, в коих в течение 1840 года было обучающихся 70 и учащихся 720, равно 111 татарских училищ в них обучающихся 126 и учащихся 2407. В заведениях сих учатся почти все дети дворянства и лиц других состояний за недостатком средств к домашнему воспитанию» [33, л. 14–14об.]. М. М. Муромцов сообщал и некоторые сведения о хозяйстве Таврической губернии: «В минувшем году возделыванием огородных овощей жители занимались, как и прежде, почти только для себя. Исключение составляют только обитатели подгорных селений, в которых в небольшой мере занимаются продажей капусты и других самых обыкновенных огородных овощей. Жители селений при Днепре, пользующиеся удобным местоположением для огородничества, возделывают для продажи в довольно значительном количестве капусту и арбузы. Фруктовые сады, хотя сначала весны подавали надежду на большой урожай, но сильными ветрами плоды были сбиты, оставшиеся на деревьях от большой жары источил червь. Только некоторые из владельцев получили от оных самый ничтожнейший доход от 300 до 2000 руб. серебром. Многие же и вовсе ничего не выручили, несмотря на это все они успешно занимаются улучшением садов и устройством новых. Из лесных плодов в Таврической губернии имеются весьма много, и то по большей части в лесах Южного берега Крыма: дикие яблоки, груши, орехи, дикий виноград. <...> Скота примерно в губернии: овец – 1443600; лошадей – 85120; рогатого скота – 405700; верблюдов – 7890» [33, л. 2–3]. В пункте «Общие виды и предложения» губернатор обращал внимание правительства на необходимость улучшения материального благосостояния чиновников в Таврической губернии, что, по мнению губернатора, помогло бы привлечь на службу в регион талантливых и грамотных служащих [33, л. 15].

За свои труды на посту таврического гражданского губернатора 5 декабря 1839 г. М. М. Муромцов был награжден орденом Св. Станислава 1 степени [32, л. 9–10]. Об этом событии сообщал А. И. Казначеев в своем письме к Н. Н. Раевскому, датированному 26 декабря 1839 г.: «Муромцов, наконец, получил Станислава 1-ой степени и очень доволен этою наградой. Пора было наградить его за заслуги и труды» [5, с. 270]. Вместе со своим предшественником А. И. Казначеевым новый губернатор занимался обустройством надгробия для третьего таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина [6, с. 127].

Петровский фонтан в Симферополе

Интриги против губернатора привели к псевдопохищению его дочери. Это событие взбудоражило не только Симферополь, но и весь Новороссийский край и привело к отставке М. М. Муромцова. Дочь губернатора якобы была похищена с дачи Ланга, в которой проживало семейство Муромцовых весной 1842 г. Согласно показаниям губернаторской дочки, ее украл крымский татарин, однако ей удалось сбежать. В результате поисков подозрения пали на Самедина Абдурамана, у лошади которого были сбиты колени, также он подходил под внешнее описание, данное «похищенной» дочерью губернатора Елизаветой [28, с. 178–179]. М. М. Муромцов доложил о происшествии министру внутренних дел, шефу жандармов и новороссийскому генерал-губернатору. Ситуация усугублялась тем фактом, что местная знать начала обвинять М. С. Воронцова в том, что к этому происшествию привела его политика покровительства по отношению к крымским татарам. В результате следствия Самедин Абдурахман был оправдан. Выяснилось, что дочь губернатора хотела сбежать из дома в Турцию с бывшим учителем музыки в доме Муромцовых – Алонсо Энгелем. Неадекватные действия губернатора были вызваны его плохой осведомленностью и личными переживаниями – к этому времени ему пришлось похоронить троих своих детей: двух дочерей и сына. До этих событий губернатор пользовался большим авторитетом среди местного населения [7, с. 561], однако был нелюбим чиновниками. Естественно, что после случившегося М. М. Муромцов не мог оставаться на своем посту и просил об отставке, что и произошло 19 января 1843 г. [1, с. 711–712]. Накануне увольнения со службы он получил анонимное письмо следующего содержания: «Сам делами позаймись. Если ж сил, ума не хватит, Оставь место, удались, Не жди, пока проклятье грянет» [1, с. 715]. После него должность губернатора занял Виктор Яковлевич Рославец, которого уже через два года заменил Владимир Иванович Пестель [26, с. 205–206].

Портрет декабриста Михаила Александровича Фонвизина работы Н. А. Бестужева

Губернатор как представитель высшей власти в Крыму в сентябре 1837 г. принимал поэта Василия Андреевича Жуковского [22, с. 76–77]. Также гостем у него был Николай Васильевич Гоголь [29, с. 22–39]. М. М. Муромцов был крупным зем-

левладельцем. В Рязанской, Тульской и Саратовской губерниях он имел 900 душ крестьян [32, л. 1].

По словам сына, М. М. Муромцов до глубокой старости сохранял бодрость и энергию, и пока были силы, любил зимой кататься на коньках на Баловневских прудах [21, с. 38]. Скончался 3 февраля 1879 г. в Висбадене на 88 году жизни. Сам М. М. Муромцов считал, что зря ушел с военной службы: «Военная служба была всегда моим призванием. Я это знал по опыту, любил ее» [3, с. 387]. А. П. Ермолов называл его «стрелой-адъютантом [...] все знавшие его удивлялись добродушию и сердечной теплоте, которые он умел сохранить до последней минуты жизни» [30].

М. М. Муромцов так и не сумел стать своим в Таврической губернии. Будучи назначенным по протекции министра финансов, Матвей Матвеевич оказался в регионе, где большинство высших чиновников хорошо знали друг друга, он не сумел влиться в эту корпоративную среду. Безоговорочно выполняя все указания М. С. Воронцова, губернатор противопоставлял себя чиновникам Таврической губернии. Подобное было возможно только благодаря личной поддержке Николая I. Постоянные интриги против губернатора привели к псевдопохищению его дочери. Нашумевшее дело не позволило М. М. Муромцову сохранить должность и стало причиной отставки.

Список использованных источников и литературы

1. [Кореневский В. П.] Неизвестные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму, 1836–1845 // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : Альманах. – М. : Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2010. – Т. 19. – С. 708–737.
[Korenevskiy V. P.] Neizvestnye vospominaniya o deyatel'nosti M. S. Vorontsova v Krymu, 1836–1845 // Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. : Al'manakh. – М. : Studiya TRITE: Ros. Arkhiv, 2010. – Т. 19. – С. 708–737.
2. [Муромцов М. М.] Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцова // Русский архив. – 1890. – № 2. С. 59–81.
[Muromtsov M. M.] Vospominaniya Matveya Matveevicha Muromtsova // Russkiy arkhiv. – 1890. – № 2. S. 59–81.
3. [Муромцов М. М.] Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцова // Русский архив. – 1890. – № 3. С. 366–394.
[Muromtsov M. M.] Vospominaniya Matveya Matveevicha Muromtsova // Russkiy arkhiv. – 1890. – № 3. – S. 366–394.
4. Архив Раевских в 5 т. / под ред. Б. Л. Модзалевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – 667 с.
Arkhiv Raevskikh v 5 t. / pod red. B. L. Modzalevskogo. – SPb., 1909. – Т. 2. – 667 s.
5. Архив Раевских : в 5 т. / под ред. Б. Л. Модзалевского. – СПб, 1910. – Т. 3. – 718 с.
Arkhiv Raevskikh : v 5 t. / pod red. B. L. Modzalevskogo. – SPb, 1910. – Т. 3. – 718 s.
6. Архив Раевских : в 5 т. / под ред. Б. Л. Модзалевского. – СПб, 1912. – Т. 4. – 726 с.
Arkhiv Raevskikh : v 5 t. / pod red. B. L. Modzalevskogo. – SPb, 1912. – Т. 4. – 726 s.
7. Бартенев Ю. Н. Жизнь в Крыму // Русский архив. – 1899. – № 8. – С. 549–580.
Bartenev Yu. N. Zhizn' v Krymu // Russkiy arkhiv. – 1899. – № 8. – S. 549–580.
8. Высочайшие повеления // Таврические губернские ведомости. – 1838. – № 31. – 5 августа.
Vysochayshie poveleniya // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1838. – № 31. – 5 avgusta.
9. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). Ф. 1. Оп. 191. Д. 100.
Gosudarstvennyy arkhiv Odesskoy oblasti (dalee GAOO). F. 1. Op. 191. D. 100.
10. ГАОО. Ф. 1. Оп. 191. Д. 104.
GAOO. F. 1. Op. 191. D. 104.
11. ГАОО. Ф. 1. Оп. 191. Д. 109.
GAOO. F. 1. Op. 191. D. 109.

12. ГАОО. Ф. 1. Оп. 191. Д. 19.
GAOO. F. 1. Op. 191. D. 19.
13. ГАОО. Ф. 1. Оп. 191. Д. 23.
GAOO. F. 1. Op. 191. D. 23.
14. ГАОО. Ф. 1. Оп. 191. Д. 41.
GAOO. F. 1. Op. 191. D. 41.
15. ГАОО. Ф. 1. Оп. 191. Д. 69.
GAOO. F. 1. Op. 191. D. 69.
16. ГАОО. Ф. 1. Оп. 191. Д. 72.
GAOO. F. 1. Op. 191. D. 72.
17. ГАОО. Ф. 1. Оп. 191. Д. 80.
GAOO. F. 1. Op. 191. D. 80.
18. ГАОО. Ф. 1. Оп. 192. Д. 34.
GAOO. F. 1. Op. 192. D. 34.
19. ГАОО. Ф. 1. Оп. 192. Д. 41.
GAOO. F. 1. Op. 192. D. 41.
20. ГАОО. Ф. 1. Оп. 192. Д. 50.
GAOO. F. 1. Op. 192. D. 50.
21. Грачева И. В полях забытые усадьбы: Баловнево и его владельцы // Наука и жизнь. – 2012. – № 4. – С. 31–38.
Gracheva I. V polyakh zabytye usad'by: Balovnevo i ego vladel'tsy // Nauka i zhizn'. – 2012. – № 4. – S. 31–38.
22. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / глав. ред. А. С. Якушевич. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 14. – 768 с.
Zhukovskiy V. A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t. / glav. red. A. S. Yakushevich. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – T. 14. – 768 s.
23. Кравчук А. С. Губернаторский корпус Таврической губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, сер. : «Исторические науки». – Симферополь, 2014. – Т. 27(66). – № 2. – С. 34–49.
Kravchuk A. S. Gubernatorskiy korpus Tavricheskoy gubernii v pervoy polovine XIX veka // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo ser. : «Istoricheskie nauki». Simferopol', 2014. – T. 27(66). – № 2. – S. 34–49.
24. Кравчук А. С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и время. – 2014. – № 3(17). – С. 189–198.
Kravchuk A. S. Iz istorii gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu: Tavricheskaya guberniya v svoi pervye desyatiletiya // Prostranstvo i vremya. – 2014. – № 3(17). – S. 189–198.
25. Кравчук А. С. Механизмы бурного развития: южная провинция России по отчетам таврических губернаторов // Родина. – 2015. – № 1. – С. 143–144.
Kravchuk A. S. Mekhanizmy burnogo razvitiya: yuzhnaya provintsiya Rossii po otchetam tavrisheskikh gubernatorov // Rodina. – 2015. – № 1. – S. 143–144.
26. Кравчук А. С. Неизвестный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В. И. Пестель // Пространство и Время. – 2015. – № 1–2 (19–20). – С. 202–206.
Kravchuk A. S. Neizvestnyy brat izvestnogo revolyutsionera: khersonskiy i tavrisheskiy gubernator V. I. Pestel' // Prostranstvo i Vremya. – 2015. – № 1–2(19–20). – S. 202–206.
27. Кравчук А. С. Отчеты таврических гражданских губернаторов в архивных фондах Российской Федерации и Украины (1802–1854) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: мат. Всерос. науч. конф. / отв. ред. Д. В. Сень, Д. П. Исаев, М. Е. Шалак, Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г. – Ростов: Foundation, 2015. – С. 77–82.
Kravchuk A. S. Otchety tavrisheskikh grazhdanskikh gubernatorov v arkhivnykh fondakh Rossiyskoy Federatsii i Ukrainy (1802–1854) // Arkhivy i arkhivnoe delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya: mat. Vseros. nauch. konf. / otv. red. D. V. Sen', D. P. Isaev, M. E. Shalak, Rostov-na-Donu, 16–17 oktyabrya 2015 g. – Rostov: Foundation, 2015. – S. 77–82.
28. Маркевич А. И. Дело о похищении губернаторской дочери // ИТУАК. – 1919. – № 56. – С. 175–197.

- Markevich A. I. Delo o pokhishchenii gubernatorskoy dochki // ITUAK. – 1919. – № 56. – S. 175–197.
29. Маркевич А. И. Н. В. Гоголь и В. А. Жуковский в Крыму // ИТУАК. Симферополь. – 1902. – № 34. – С. 22–39.
- Markevich A. I. N. V. Gogol' i V. A. Zhukovskiy v Krymu // ITUAK. Simferopol'. – 1902. – № 34. – S. 22–39.
30. Некрологи // Одесский вестник. – 1875. – 2 марта.
- Nekrologi // Odesskiy vestnik. – 1875. – 2 marta.
31. Об открытии Таврической палаты государственных имуществ // Таврические губернские ведомости. – 1839. – № 24. – 17 июня.
- Ob otkrytii Tavricheskoy palaty gosudarstvennykh imushchestv // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1839. – № 24. – 17 iyunya.
32. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 432.
- RGIA. F. 1349. Op. 4. D. 432.
33. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 59.
- RGIA. F. 1281. Op. 4. D. 59.

Kravchuk A. S. TAURIDA CIVIL GOVERNOR MATVEY MATVEEVICH MUROMTSOV: BIOGRAPHI PAGES // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 4. – P. 21–33.

Prosopography is one of effective approaches for studying nineteenth-century Crimean administration elite that is important to understanding local administration's governance principles in Russian Empire. In my article, I have attempted to restore biography and the main vectors of activity M. M. Muromtsov, who was the ninth Taurida governor. So, the subject of the first part of my article is the early stages of Matvey Muromtsov's career. M. Muromtsev served as adjutant N. I. Lavrov and A. P. Yermolov during the War of 1812, took part in many battles and was seriously wounded. He served, as vice-governor of Vladimir and Yenisei province, was a member of the Decembrist movement after the end of the Napoleonic Wars. The second part of the article is about a time, then Matvey Muromtsev was a head of Taurida province. He became a governor in February 22, 1837; he was 46 years old.

M. S. Vorontsov played a pivotal role in the managing of region in this time. He held the position of Novorossiysk and Bessarabian governor-general. He was an independent administrator and could move many officials in the region. This led to the formation of "Vorontsov's school officials." M. M. Muromtsev was appointed under the patronage of the Minister of finance and remained a stranger to local bureaucrats, which led to many conflicts. Emperor Nicholas I tried to limit the influence of the governor-general appoints the Taurida civil governor M. M. Muromtsov, but he didn't succeed.

Governorship M. M. Muromtsev's period was calm. Simferopol continued to develop, so at this time was built 206 stone buildings, new hotels. M. M. Muromtsev with M. S. Vorontsov engaged in the creation of Yalta district. Simferopol gymnasium for men relocated into the building, bought from Major-General F. D. Revelioti, where it is in our days. M. M. Muromtsev has initiated liquidation of the Crimean grape school, which was established in 1804 by D. B. Mertvago. The governor was engaged in the protection of cultural heritage, it is when it was first allocated money for the reconstruction of a number of facilities. The governor involved in the protection of cultural heritage it was a first allocated money for the reconstruction of a number of facilities in this time. The governor created a committee that was to develop rules for use of water resources in the Crimea. This issue was very important, because in dry years often had conflicts between landowners for use of natural sources of water. Conflict with local officials has resulted in intrigues against the governor. Therefore, they organized a false kidnapping of the governor's daughter, which led to his resignation.

Key words: Taurida province, Taurida governor, Crimea, M. M. Muromtsov, Simferopol, Balovnevo.

СЪЕЗДЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КРЫМА: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ КРЫМОВЕДЕНИЕ НА РУБЕЖЕ 20–30-Х ГГ. XX ВЕКА

Непомнящий А. А., Козаченко И. В.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru**

Восстановлена историческая практика проведения научно-практических форумов, связанных с изучением региональной экономики. Рассмотрены эпизоды из истории исследования экономического развития Крымской АССР в первые советские десятилетия. Проанализированы основные направления работы съездов по изучению производительных сил Крыма, постановления этих научных собраний.

Ключевые слова: Крымская АССР, съезды по изучению производительных сил Крыма, производительные силы, народное хозяйство, экономика, крымоведение

Крымская АССР являлась южным аванпостом СССР на берегах Черного моря. Географическое положение полуострова определяло его особенное место в экономической жизни страны. Однако, несмотря на определенные достижения того времени в области хозяйственного и культурного развития, уровень исследований природных богатств и производительных сил Крыма был низким. В ходе осуществления экономической политики правительства, направленной на индустриализацию, к концу 20-х годов была предпринята попытка вывести страну из разлухи, в которой она оказалась в результате Гражданской войны. Решая эту задачу, правительство автономии столкнулось с рядом трудностей. Разрушенное в ходе войны сельское хозяйство привело как к нехватке сырья для промышленности, так и к резкому сокращению внешней торговли. Экспорт составлял менее чем 40 % от показателей довоенного уровня, импорт сократился в той же пропорции. Массовая безработица среди городского населения стала серьезной проблемой, обостряющей и без того напряженную социальную обстановку на полуострове. Третья проблема 20-х годов заключалась в том, что советская экономика находилась только в стадии становления. Она не достигала уровня экономики царской России накануне Первой мировой войны [1, с. 3].

Крымская экономика, благодаря благоприятным естественным условиям края, представляла собой совокупность разнообразных хозяйственных отраслей. Проанализировав природные богатства и все виды производительных сил Крыма, местные статистики определили, что до революции развитие отдельных отраслей хозяйства порой не соответствовало форме и объему природных богатств полуострова. Это вызывало затруднения в восстановлении экономики и оказывало неблагоприятное влияние на рост производительных сил Крыма. Нужно было исправлять ситуацию.

27 октября 1927 года было образовано «Постоянное совещание по планированию научно-исследовательских и опытных работ на территории Крымской АССР». Совещание создано по постановлению СНК Крымской АССР при Крымском плановом бюро под руководством С. Т. Галкина, который в 1926 г. был назначен заместителем председателя Симферопольского исполкома и председателем его плановой комиссии [2, с. 7]. На одном из первых заседаний Постоянного совещания, работа

которого приняла регулярный характер с февраля 1928 года, было решено создать в ближайшее время специальный съезд для анализа и разработки перспектив изучения и развития крымской экономики. В это время местные ученые безуспешно пытались собрать Всекрымский краеведческий съезд, который несколько раз откладывался по различным субъективным причинам [3, с. 150–210]. Власти приняли решение придать намечавшемуся краеведческому съезду новое направление в соответствии с задачами переустройства народного хозяйства на основе изучения производительных сил края и рационального использования научных и технических достижений. Программа краеведческого съезда, которая до этого уже была обнародована в периодической печати, в этой связи была переработана. Первоначально съезд планировалось создать в октябре 1927 года, но из-за отсутствия средств заседание не раз переносилось, о чем свидетельствуют архивные материалы. Окончательное постановление СНК Крымской АССР о созыве съезда и ассигновании средств было принято 16 февраля 1928 года [4, с. 8].

Подробный регламент его занятий был разработан еще до открытия. Установили число секций и подсекций, а также назначили их руководителей. Были определены темы докладов, докладчиков уведомили о целях и задачах съезда. До открытия ими были представлены тезисы докладов. Работа собрания была ориентировочно расписана по дням и даже часам. Благодаря такой организации форума его обширная программа была выполнена. Путем предварительной рассылки проспектов и программ на съезд были приглашены делегаты научно-исследовательских и опытных учреждений, научных обществ, крымских краеведческих учреждений, центральных учреждений Крымской АССР, районных учреждений, имеющих хозяйственные функции, представители хозяйственных организаций и государственных предприятий, медицинских учреждений, профессиональных учебных заведений, Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, партийных органов ВКП(б), прессы. В работе съезда приняли участие 359 делегатов.

По основным группам представленных на съезде учреждений и организации это число распределялось следующим образом:

- делегаты научно-исследовательских и опытных учреждений – 71 человек, научных, краеведческих учреждений и обществ – 105 человек;
- члены Крымского правительства и делегаты учреждений (в числе последних от Крымского планового бюро, Крымского народного комиссариата земли с его аграрной службой и ЦСНХ Крыма – 54 человека), за исключением упомянутых ниже учреждений, – 89 человек;
- Народный комиссариат здравоохранения и медицинские учреждения – 43 человека;
- Народный комиссариат просвещения и учебные заведения – 38 человек (в том числе 22 – от Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе);
- хозяйственные организации и предприятия (государственная промышленность, государственная торговля, госкредит, кооперация) – 28 человек;
- профессиональные союзы – 13 человек [5, с. 8–9].

Со второго дня занятий съезд разделился на секции и подсекции. Секционная работа протекала под руководством специалистов при участии представителей за-

интересованных учреждений и лиц, осведомленных в вопросах планирования и народного хозяйства Крыма. Естественно-историческую секцию возглавлял профессор С. П. Попов. Она включала в себя подсекцию физики, геофизики и астрономии во главе с профессором И. И. Тихановским; подсекцию геологии, гидрологии и полезных ископаемых, возглавлял которую профессор П. А. Двойченко, и подсекцию биологии, которая собралась под началом профессора И. И. Пузанова. В. Б. Лукьянов возглавил экономическую секцию, которая делилась на четыре подсекции: подсекцию сельского хозяйства во главе с профессором Н. Н. Клепениным, подсекцию промышленности, возглавляемую профессором Н. А. Ярцевым, профессор П. И. Голландский возглавил подсекцию строительства, а общеэкономическая подсекция работала под руководством Д. А. Петровского-Ильенко. Во главе культурно-социальной секции был нарком просвещения Крымской АССР У. В. Балич. Эта секция имела в себе три подсекции: «Этнография и археология», которая работала под руководством профессора В. И. Филоненко; «Курортная», возглавляемая доктором Я. Л. Гроссманом, и «Общие вопросы культурного строительства» во главе с Г. П. Вейсбергом [6, л. 8].

Перед научно-практическим форумом стояли две главные задачи: первая – составить такой план изучения, при котором можно, учитывая все богатства Крыма, дать правильное направление их разработке, а вторая – привлечь научные силы полуострова к этой разработке. Съезд комплексно осветил характер размещения и структуру производительных сил Крымской АССР, установив их соответствие географическому положению, почвенным, климатическим особенностям края, наличию трудовых и природных ресурсов. Обозначились приоритеты экономического развития Крыма, ставшие определяющими для него в будущем. В резолюциях съезд констатировал, что имеется несоответствие между наличием разнообразных природных богатств Крыма и слабой степенью их эксплуатации. Требуется весьма сложная система мероприятий, которая правильно и полно бы охватила все разнообразие отдельных областей Крымского хозяйства [7, л. 32].

Вместе с тем задачи собрания не были выполнены в полном объеме. Во-первых, имелись существенные недочеты в построении организационной работы съезда, резолюции которого носили более теоретический характер, нежели практический. Во-вторых, в силу отсутствия достаточного количества материальных средств на реализацию намеченных решений, не были достигнуты существенные результаты в области экономических преобразований на полуострове. Остались непроанализированными все источники и все расходы Крымской АССР как единого экономического организма. Проблема единого финансового плана еще не получила тогда надлежащего разрешения. Отмечалось, что слабая исследованность крымских природных богатств и производительных сил видна в большинстве проектировок по использованию природных богатств. В-третьих, по отношению к отдельным крымским полезным ископаемым еще нельзя было дать убедительную проектировку, так как не было организовано их подробное исследование.

Для окончательного решения этих и других проблемных вопросов местной экономики 1–9 декабря 1931 года в Симферополе созвали второй съезд по изучению производительных сил Крыма, где была поставлена задача – обозначить программу

необходимых геологических исследований и разведок. Иная задача съезда заключалась в том, чтобы выявить ведущиеся в Крыму научно-исследовательские работы по изучению природных богатств и производительных сил Крымской АССР. И еще одна задача заключалась в том, чтобы создать благоприятные условия для популяризации научно-технической и исследовательской работы среди широких масс. Научное собрание, таким образом, осветило комплекс народно-хозяйственных проблем. Его работа была подчинена необходимости максимально приблизить научные работы к нуждам народного хозяйства.

Во втором съезде по изучению производительных сил приняли участие 178 делегатов и 317 гостей, не считая многочисленных сотрудников Госплана, присутствовавших на всех заседаниях. По основным группам представленных на Съезде учреждений и организации число делегатов распределялось следующим образом: от научно-исследовательских учреждений – 57 человек, от правительства и учреждений – 40 человек, от медицинских учреждений – 25 человек, от хозяйственных органов и других учреждений – 56 человек, итого – 178 человек [8, с. 4].

При сравнении представительского состава съездов становится очевидным, что на первом преобладали представители научных организаций, а на втором – уже хозяйственных учреждений. Заметен практический уклон проводимых заседаний. Это не означало, что организаторы второго съезда пренебрегали участием в форуме представителей от научных учреждений. Некоторые приглашенные научные работники в этот раз по различным причинам не приехали. Организаторы хотели привлечь к работе больше хозяйственников, особенно практиков-строителей. Отличается второй съезд и по роду занятий делегатов. В нем активное участие приняли рабочие и инженеры, экономисты, администраторы-хозяйственники, а на первом, в основном, выступали преподаватели, работники научных учреждений, опытного дела, краеведческих организаций. Активность собравшихся делегатов и гостей была высока, особенно в сельскохозяйственной и промышленной секциях. Академия наук СССР в лице Совета по изучению производительных сил (СОПС) приняла участие в работе съезда, представив доклад о своей деятельности на территории Крыма (докладчик – Б. Л. Ронкиным), а также участвуя в заседаниях отдельных секций. «Крымские» исследования Академии наук в 1931 г. проводились в области химии, почвоведения, сейсмологии, биологии Черного моря [9, с. 98].

Съезд должен был выявить ведущиеся в Крыму научно-исследовательские работы по изучению природных богатств полуострова, помочь ученым систематизировать результаты их трудов и, наконец, популяризировать эти работы среди широких масс. Совместная работа Академии наук с общереспубликанскими и местными научно-исследовательскими организациями должна была очертить широкие перспективы для продолжения исследований, их научного обоснования и расширения хозяйственного базиса Крымской АССР. Практическую направленность второго съезда сразу обозначил председатель Совета Народных Комиссаров Крымской АССР А. А. Самединов во вступительном слове при открытии заседания: «Первый съезд был созван наспех, и вопросы, поставленные на его повестке, были проработаны также наспех, поверхностно. Кто знакомился с решениями первого съезда, тот видел, что в них нет конкретности, есть только постановки вопросов, но нет реше-

ния их. Там все говорится: “Следовало бы изучить... следовало бы проработать”. Содержание работ первого съезда не совсем соответствовало предъявленным к ним требованиям. На этом съезде ни слова не сказано о совхозном и колхозном строительстве» [10, с. 4]. Руководители и организаторы съезда хотели, чтобы «люди науки в едином творческом порыве с рабочим классом» проработали материал, который мог бы быть положен в основу при составлении планов второй пятилетки.

Проект программы второго съезда характеризуется детальной постановкой отдельных тем. Доклады построены так, что уже в них содержатся конкретные экономические задачи и рекомендации для их решения. Главнейшие секционные вопросы, которые были подробно проанализированы в докладах, касались энергетических ресурсов, промышленности, сельского хозяйства, транспорта, городского и промышленного строительства, курортного дела, общекультурного строительства. Съезд завершился изложением на пленуме хода работы в секциях и содержания принятых резолюций каждым из руководителей секций. Закрывая собрание, председатель Госплана Крымской АССР Б. У. Арифов так охарактеризовал результаты работы: «Несмотря на ряд организационных недочетов, которые имели место при проведении нашего съезда, все же нужно сказать, что этот съезд дал нам большой материал» [11, с. 9].

Таким образом, на состоявшихся в мае 1928-го и декабре 1931 гг. в Симферополе съездах по изучению производительных сил Крыма была предпринята попытка дать теоретические и практические рекомендации по вопросам восстановления и увеличения роста народного хозяйства региона, а также его реорганизации и переориентации согласно требованиям ускоренного развития экономики СССР. Ко времени организации научных конференций крымское хозяйство во всех отраслях вступило в реконструктивный период, диктуемый общими тенденциями развития экономики СССР. Определялась и декларировалась программа необходимых исследований, разведок и разработок, был освещен ряд народно-хозяйственных и культурных проблем Крыма. Участники съездов предоставили варианты решений по ряду перспективных вопросов, обрисовали картину превращения природных богатств в активные производственные силы в будущем. В темах докладов нашли отражение запросы и требования, предъявлявшиеся к научному исследованию и опытному делу перестраивающимся народным хозяйством Крыма. Делегаты съездов наметили систему научных исследований и мер для реконструкции крымского хозяйства и культурного строительства, реализация которых открывала возможность взять курс на развитие социально-экономической жизни полуострова.

Список использованных источников и литературы:

1. Комплексные региональные исследования производительных сил СССР: научно-исторический очерк / Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР. – Ч. 1: Изучение естественных производительных сил (1915–1960 гг.). – М., 1991. – 180 с.
2. Пути реконструкции народного хозяйства: труды Съезда по изучению производительных сил Крыма 6–10 мая 1928 г. / Плановая комиссия Крымской автономной социалистической советской республики. – Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1929. – Вып. 1: Сельское хозяйство. – 272 с.
3. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 432 с., ил. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).

4. Пути реконструкции народного хозяйства: труды Съезда по изучению производительных сил Крыма 6–10 мая 1928 г. / Плановая комиссия Крымской автономной социалистической советской республики. – Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1929. – Вып. 1: Сельское хозяйство. – С. 8
5. Там же. – С. 8–9
6. ГАРК, ф. Р-137, оп. 6, д. 29, л. 1–36.
7. Там же, л. 32.
8. Резолюции второго Съезда по изучению производительных сил Крымской АССР 1–8 декабря 1931 г. / Госплан Крымской АССР; под ред. Б. У. Арифова; ред. кол. В. В. Кудрявцев, С. Н. Нестеров, Г. Н. Печерский; технич. ред. Н. Л. Эрнст. – Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1932. – 94 с.
9. В. Л. Второй съезд по изучению производительных сил Крыма / В. Л. // Экономика и культура Крыма. – 1931. – № 4(3). – С. 95–103.
10. Резолюции второго Съезда по изучению производительных сил Крымской АССР 1–8 декабря 1931 г. / Госплан Крымской АССР; под ред. Б. У. Арифова; ред. кол. В. В. Кудрявцев, С. Н. Нестеров, Г. Н. Печерский; технич. ред. Н. Л. Эрнст. – Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1932. – 94 с.
11. Там же. – С. 9.

This article deals with the history of the investigation of economic development of Crimean ASSR in the first third of the XX century taking into account general trends in the development of scientific life in the USSR in 1920–1930-ies; studied the problem of reasons for convening the Congresses. In addition, this article is shown the main directions of the Congresses, is presented information on the results achieved.

Key words: congress, productive forces, national economy, economics, investigation.

УДК. 94:69.059.25(477.75)"17/19"

РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПОСТРОЕК БАХЧИСАРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Османов Э.Э.

**ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: elvis_osmanov@mail.ru**

На основе архивных материалов проанализирована динамика развития гражданских сооружений в Бахчисарае в конце XIX – начале XX в. Рассмотрены причины и классификация ремонтных работ жилых построек города в данный период. Архитектура жилых сооружений представляет собой целостное явление. Это единство определяет как историческая подоплека, обусловившая его развитие в период существования Крымского ханства и затем нахождения в составе Российской империи, так и схожая стилевая эволюция, отразившаяся в различных видах зданий. Архитектурно-пространственная среда территории создана одно- и двухэтажной жилыми застройками. В ходе перестроек форма усадебных домов сильно изменилась, практически исчезла отделка домов из дерева (решетки террас, балконов, резные декоративные детали). Изменены фасады домов, выходящие на улицу, теперь в них прорезаны окна.

Ключевые слова: крымскотатарское зодчество, Бахчисарай, план города, жилые постройки

Последовательное изучение мусульманской архитектуры Бахчисарая началось во второй половине XIX в. Однако наиболее плодотворным периодом в изучении крымскотатарского архитектурного наследия стали 20-е гг. XX в. В трудах У. А. Боданинского, А. Н. Башкирова, Б. Н. Засыпкина рассматривались вопросы атрибуции памятников, генезиса их архитектурных форм и декора [1; 2; 3, с. 111–168]. В работах Б. А. Куфтина впервые сделана попытка систематизации и типологизации мусульманского историко-архитектурного наследия Крыма, рассмотрены локальные варианты жилой застройки Бахчисарая [4, с. 294–299].

Определенную часть жилой застройки старого города составляют сооружения, возведенные и перестроенные в 80 гг. XIX в. – 10 гг. XX в. Количество источников по этому периоду невелико. Материал о жилых сооружениях Бахчисарая содержат фонды № 27 Таврического губернского правления и № 64 Бахчисарайской городской управы Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственного архива Республики Крым» (ГКУ РК «ГАРК»). Среди них нужно выделить протоколы городской думы и постановления управы Бахчисарая, которые регламентировали строительную активность города. В условиях ландшафта долины горной реки более распространенными были усадебные жилые дома крымских татар, что можно наглядно проследить на материалах фонда № 3 Архитектурно-реставрационного из Научного архива ГБУ РК БИКАМЗ (Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника).

Узкие, уютные улочки, неправильной формы кварталы, внутрь которых, а не на улицы, обращены выходы из внутренних дворики, – таков местный тип жилой застройки, о чем также свидетельствуют археологические раскопки построек в западной части города [5, с. 89].

Наиболее типичными формами являются дома в один и два этажа. Несмотря на внешнюю изолированность домов друг от друга, они соединены внутренними калитками, через которые можно пройти весь город, не выходя на улицу [6, с. 5].

Тип одноэтажного дома, бир кат, представляет собой прямоугольник, сложенный из дикого камня на глиняном растворе с горизонтальной прокладкой деревянных брусьев. Длина дома – 10–15 м, ширина – 3–5 м, высота – около 3 метров. Из камня сложены только три стены, ташдувар, передняя стена, где проделаны дверь и окна, – плетневая и обмазывается глиной.

Окна небольшие, квадратные, с железной или деревянной решеткой из вертикальных прутьев; снаружи к ним приделываются двухстворчатые ставни. Окна выходят во двор, двери с полукруглыми верхними карнизами открываются внутрь дома и комнат. Крытых печей для выпечки хлеба в частных домах Бахчисарая не делали, так как для этого существовали многочисленные пекарни.

Двухэтажные дома по плану мало отличаются от одноэтажных. Нижний этаж делается из камня, причем задняя каменная стена, выходящая на улицу, выкладывается толщиной до 1 м и продолжается в верхнем этаже дома [4, с. 297].

Более легкий и высокий второй этаж делали деревянным или саманным. Часто верхний этаж выдавался над нижним широким навесом или выступающими углами [6, с. 6].

Выступающая часть верхнего этажа – теремэ – поддерживается деревянными гнутыми подпорками, которые нижними концами упираются в стену первого этажа, причем выступающая часть представляет собой галерею, пол которой находится на одном уровне с полом помещения верхнего этажа. Часть галереи обшивается досками и, делаясь крытой, предназначается для пребывания там женщин – в том случае, если в доме имеются посторонние мужчины.

И нижний, и верхний этажи в основном состояли каждый из одной комнаты, с небольшими сенями и кладовками внизу. Нижний этаж служил для жилья зимой, а летом он использовался как кухня. Это не парадная часть дома. Верхний этаж, куда поднимаются по наружной лестнице, через галерею, служит для отдохновения, приема гостей. Окна в верхнем этаже делались в передней плетневой стене, крупные, часто двойные, с деревянными решетками. Стена дома, выходившая на улицу, традиционно была глухой. Окна в таких стенах, если они есть в старых домах сейчас, были прорезаны позднее. В более богатых домах близ потолка устраивались для украшения фигурные окошечки из цветного стекла, вставленного в узорно вылепленные из гипса рамы, в виде розеток, кипарисов и др. Эти окна, вместе с дверками под полукруглыми арками и такой же отделкой камина, являются теми городскими наслоениями, которые особенно ясно обнаруживают влияние османского художественного стиля [4, с. 299].

Двухскатная или трехскатная крыша покоится на деревянных стропилах. Крыша обычно спускается довольно широким навесом, чтобы давать тень, а также защищать от дождя глиняные стены. Навес часто украшается мелкими планками, прибитыми в виде узора.

Крыши домов периода 1783–1917 гг. были низкими, традиционной крымской формы, покрывались татарской черепицей; а фасады имели архитектурную отделку

стилистики классицизма, они располагались преимущественно на равнине поймы, что обеспечило ансамблевость застройки Бахчисарая в этот период.

22 сентября 1888 г. Таврический губернатор А. Н. Всеволожский предложил Бахчисарайской городской управе доложить Думе, что, согласно статье 56 Городского положения, необходимо составить план Бахчисарая и предоставить на утверждение. Собрание Думы от 29 сентября 1888 г. рассмотрело доклад управы о том, что все городское движение сосредоточено на Базарной улице, проходившей вдоль всего города по единственно ровному месту. Расширение переулков, как говорилось в докладе, при нынешнем неправильном их расположении по кособоку не имело бы почти никакого значения, а перенесение дороги потребовало бы сноса 1/3 части всех жилых строений. Расширение переулков в остальных частях города значительно уменьшило бы частные дворы, большинство которых – очень небольших размеров. Дума постановила: ввиду возможного расширения дороги поручить управе составление плана Базарной улицы и некоторых переулков, по которым проходит дорога для въезда и выезда; план предоставить на рассмотрение Думы [7, л. 36].

В статье 298 Строительного устава говорилось, что города строились по планам, «высочайше утвержденным», а в примечании к статье разъяснялось, что планы на уездные и заштатные города утверждаются губернаторами. До окончательного представления плана города предполагалось не разрешать никаких построек в нем [8, л. 3].

Известно, что план Бахчисарая с проектом урегулирования Базарной улицы был предоставлен в Городскую управу инженером Геккером в январе 1890 г. А план города был составлен к 24 мая 1900 г. (Рис.1)

В указанный период жители города в основном перестраивали свои дома. Причины перестройки были разные. Наиболее распространенная – ветхость здания, введенного еще в ханское время. Владелец дома направлял в Городскую управу прошение, сопровождая его планом и необходимыми документами на дом. В зависимости от степени ветхости могли перестраиваться отдельные части дома или хозяйственных построек. К примеру, бахчисарайский мещанин Сеит-Эмиль Оглу в июне 1884 г. просил управу дать ему разрешение на перестройку задней стены дома [7, л. 2]. Мещанка Ханиша Ильинична Казас в 1895 г. просила разрешение на ремонт дома, купленного от наследников купца Аджи Джелыла Абла-оглу в приходе Шах-Болат, по ее словам, требовалось перекрыть заново крышу, а вместо трех окон, выходивших на улицу, оставить два [9, л. 10].

Были случаи, когда горожане производили перестройку без разрешения Управы. Так, Ефимия Анастасьевна Иоаниди, проживавшая в приходе Баба-Курт в Салачике, в начале 1896 г. начала возводить каменную стену от сада наследников Селим Ибраима Сеит-Ага-оглу к своим воротам, захватив городскую землю (8 саженей в длину, 11 вершков в ширину), и стройка была приостановлена [10, л. 18]. Позже она объяснила, что при перестройке дома она отступила от своей старой стены с улицы вовнутрь настолько, чтобы стена была на одной линии с соседними домами. В результате управа дала разрешение на продолжение постройки [11, л. 7].

Рис. 1. План западной части заштатного города Бахчисарая, 1914 г. Из архива ГАРК.

При сносе и возведении нового здания, а также перестроек важным условием была ровная линия по фасаду с соседними домами. К примеру, мещанка Анастасия Пичакчи, проживавшая в приходе Хан-Джами, старую стену снесла, а летом 1896 г. возвела новую на одной линии с другими домами. Для уравнивания фасада она заняла 3 аршина с одной стороны улицы, 2 аршина земли – с другой [12, л. 4].

В случае, когда старый дом полностью сноился, на его месте возводился новый. Тогда в Городскую управу отправлялся ситуационный план двора со всеми постройками и с перечислением всех соседей. Именно так и поступил в 1898 г. евпаторийский мещанин Яков Ильич Танагоз, проживавший в Бахчисарае по Караимской улице [13, л. 31] (Рис.2).

Бахчисарайский купец II гильдии Сейдамет Аджи Осман-оглу, у которого в приходе Хан-Джами был ветхий дом с двором, собирався выстроить новый. В конце 80-х гг. XIX он просил разрешения на постройку трех комнат и конюшни с воротами [14, л. 2].

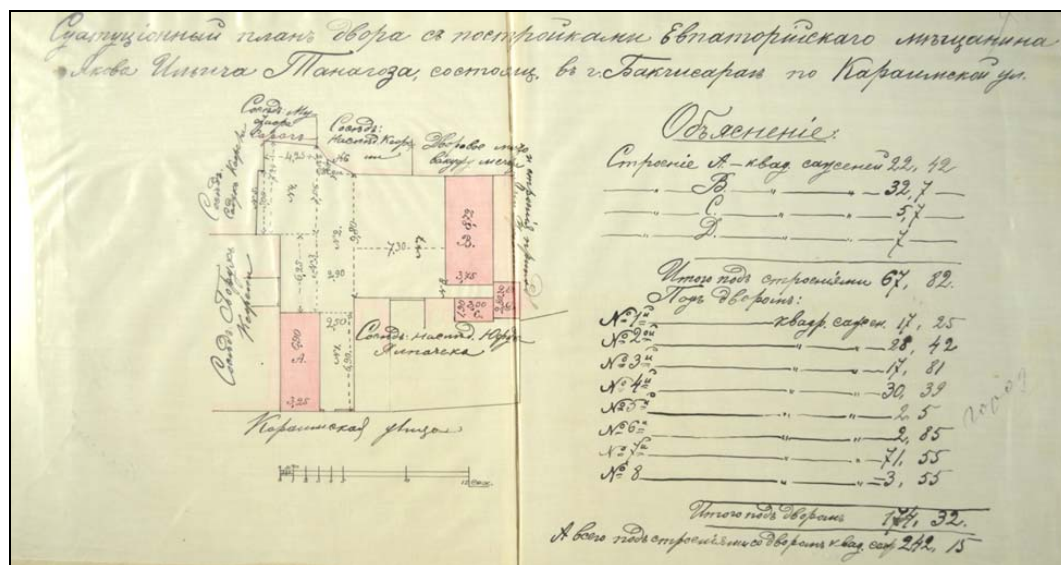

Рис. 2. Ситуационный план двора с постройками евпаторийского мещанина Я. И. Танагоза в Бахчисарае по ул. Караимской. Из архива ГАРК.

В 1887 г. бахчисарайский мещанин Иван Дмитриевич Волков, имевший дом в приходе Уму-Гульсум, просил разрешения управы перестроить с самого фундамента одноэтажный каменный дом длиной 7 сажени 1 аршин, высотой 1 сажень 2 аршина. Дом был из четырех комнат. Соседями были: с одной стороны – мещанин Григорий Мирошников, с другой – мещанин Люман Аджи Молла-оглу, с третьей – мещанин Мустафа Саранча, с четвертой же стороны была улица, ведущая на вокзал. Фундамент и прочие постройки дома должны были возводиться на том же месте [14, л. 5].

Горожанин Сеит Мустафа Мамут-оглу, проживавший в приходе Хан-Джами, собирался перестроить свой дом. Кроме того, для исправления линии с соседними домами он предполагал выдвинуть фасад на аршин вперед. Поэтому он просил ходатайства управы в Думе «о продаже аршина городской земли по протяжению предполагаемого дома, с двумя окнами, выходящими на улицу» [15, л. 1]. В результате 16 октября 1882 г. ему было выдано удостоверение об уступке 9 сажени земли за 2 руб. серебром.

Аджи Мустафа Ибраим-оглу, проживавший в приходе Салачик Асма-Кую, хотел построить новый дом на месте старого. Он просил Городскую Управу уступить ему городской земли с улицы в длину и ширину по 2 сажени. В 1898 г. Управа решила постройку дома с выступом для уравнивания улицы на сажень в ширину и 2½ сажени в длину [16, л. 1].

Особую группу прошений хозяев, направлявшихся в Бахчисарайскую управу, составляют планы с копиями предполагаемых построек на их собственной земле. Бахчисарайский купец Василий Михайли в 1885 г. отправил в управу план на постройку дома в приходе Хан-Джами [17, л. 343] (Рис. 3). Симферопольская мещанка

Елизавета Андреевна Стоянова в первой декаде XX в. предоставила план с копией предполагаемого к постройке каменного дома на ее собственном участке земли в приходе Шеэр-Кустю [18, л. 38] (Рис. 4). Купец Виктор Стеценко в конце 1896 г. собирался построить на принадлежавшей ему земле, около станции Бахчисарайской Лозово-Севастопольской железной дороги, одноэтажный дом и сарай. Для этого он предоставил план постройки. На все эти прошения ответ был утвердительным с условием, что расстояния между постройками будут соблюдены в соответствии с планами [19, л. 46] (Рис. 5, 5А, 5Б).

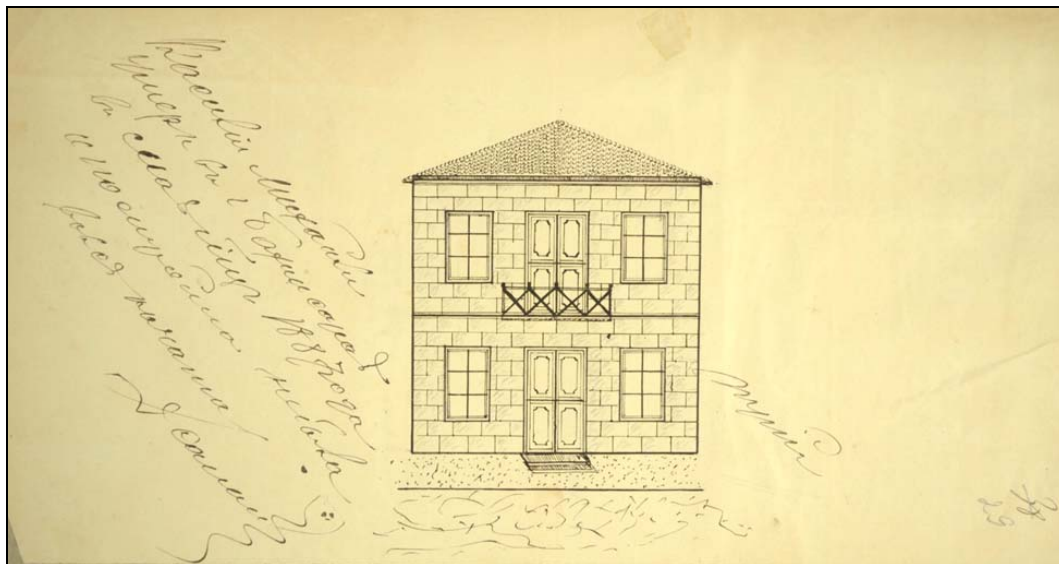

Рис. 3. План на постройку дома купца В.Михайли. Из архива ГАРК.

В некоторых случаях Управа перед выдачей удостоверения отправляла на место будущего строительства своего представителя. В начале 1895 г. мещанин Гафар Али-оглу собирался построить в приходе Хан-Джами, возле дворцовой бани, новый каменный дом. Он просил осмотреть предполагаемое место строительства и выдать удостоверение, которое и было им получено 8 февраля 1895 г. после осмотра представителем управы А. А. Рябовым с соблюдением правил пожарной безопасности [9, л. 4].

Другой мещанин – Ибраим Нафе-оглу, проживавший в приходе Зынджырлы-Медресе, просил разрешение на строительство двухэтажного дома, нижний этаж которого предполагалось построить из камня, а верхний – из кирпича. Крыша двухскатная с пятью окнами, выходящими на улицу, и двумя дверьми. Представитель Управы Каракаш осмотрел указанное место, и на основании его заключения было выдано удостоверение от 17 апреля 1896 г. [12, л.3].

Заведующий вакуфом «Улаклы» Мудерис Мустафа Эфенди направил в управу прошение и план предполагаемой одноэтажной постройки в приходе Яни-Джами. 13 августа 1910 г. Городская управа выдала разрешение на постройку этого здания в приходе Яни-Джами по Базарной улице. При этом Управа выдвинула следующие требования: западная стена второго этажа должна быть не тоньше 12 вершков с железными

скрепами, все три балкона второго этажа должны быть на рельсах без дерева, с бетонными полами и металлическими перилами. Все лестницы в двухэтажном здании должны быть обязательно железные, каменные или бетонные [18, л. 35–36] (Рис. 6).

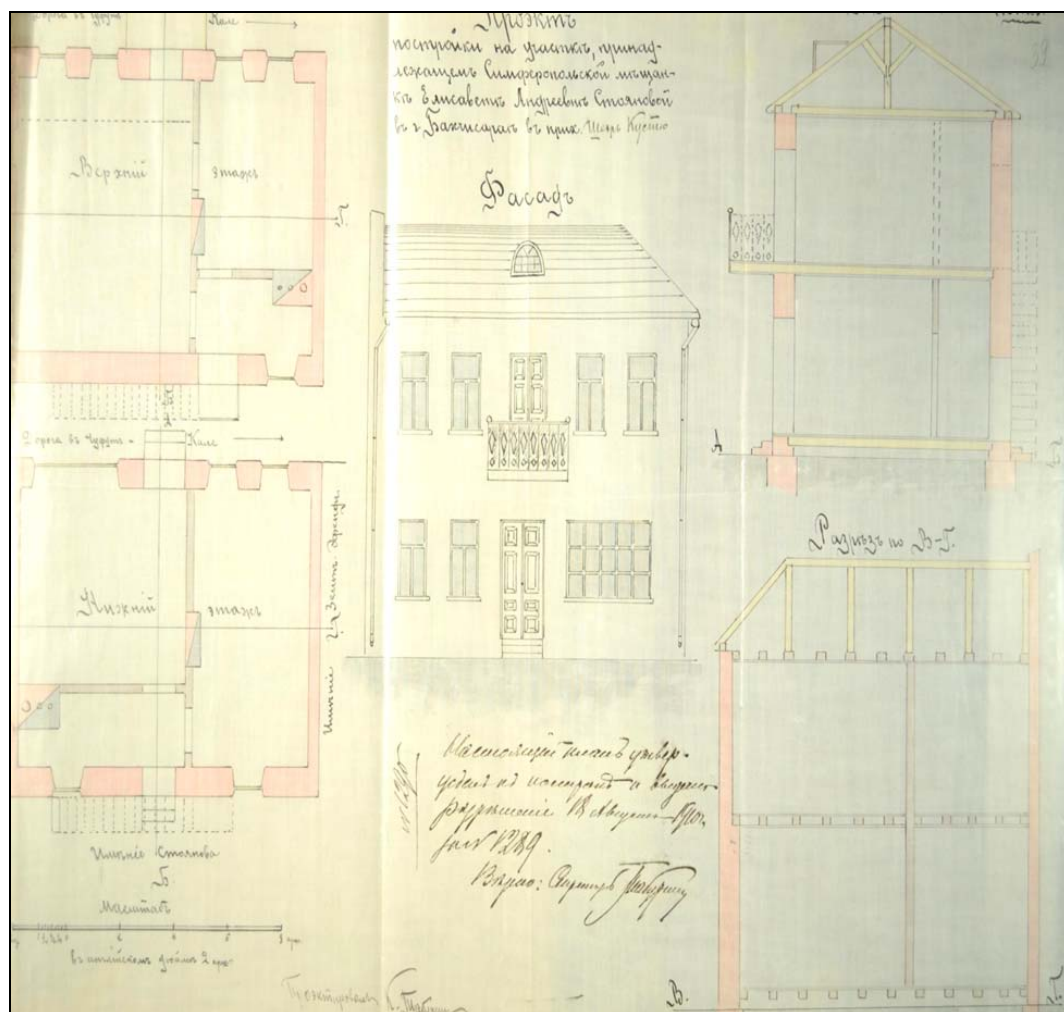

Рис. 4. Проект постройки дома мещанки Е.А.Стояновой в приходе Шеэр-Кустю. Из архива ГАРК.

На счету города было еще достаточное количество пустующей земли, чаще всего не приносящей дохода Бахчисараю, где-нибудь под скалой либо в гористой местности. Дворянин Сеит-Ягъя мурза Балов хотел купить пустующее место около 200 саженей под скалой Топкая, против Шубного ряда в приходе Табана. На предполагаемом участке Балов собирался построить дом и разбить фруктовый сад. Он просил управу о ходатайстве в Думе на заседании от 14 мая 1879 г. продать ему указанный участок земли по цене 20 коп./саж. Гласному Думы Бекиру Сулейман-оглу было поручено осмотреть указанный участок и выяснить, нет ли препятствий со стороны

соседей, не проходят ли по этому месту дорога или водопроводные трубы. Обмер участка был поручен представителю управы Михаилу Дремджи. Он обмерил участок со всех сторон, и получилось 322 кв. саж. Участок с северной стороны примыкал к горе, с востока – к дому крестьянина Усеина, с запада – к дому мещан Усеиновых. 14 марта 1880 г. были назначены торги, где мурза Балов предложил по 60 коп. за сажень земли, в результате участок был продан ему по уговоренной цене. 5 апреля 1880 г. мурза Балов уступил указанный участок мещанину МуждабеАджи Осман-оглу, который внес остаток суммы – 193 руб. [20, л. 2–17].

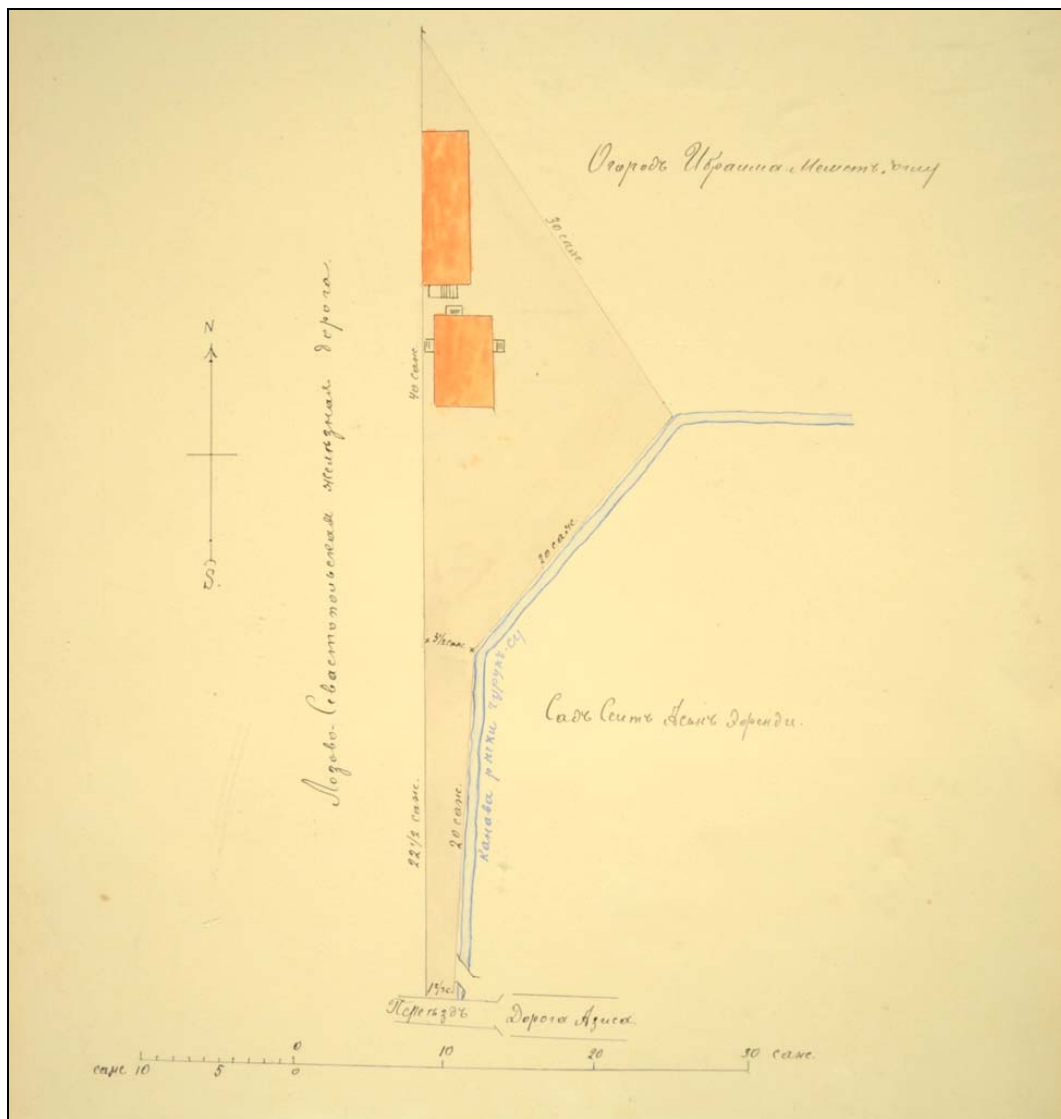

Рис. 5. Проект на постройку дома с дворовыми постройками купца В. Стеценко около станции Лозово-Севастопольской ж/д в 1896 г. Из архива ГАРК.

Житель прихода Ак-Каш Керим Асан-оглу просил под постройку дома 30 кв. саж. земли в упомянутом приходе. Гласный Думы Бекир Сулейман-оглу осмотрел этот участок и произвел его обмер. На собрании Думы от 17 апреля 1882 г. продажу указанного участка разрешили по 50 коп./саж. В результате мещанин Керим Асан-оглу приобрел 15 саж. городской земли за 7 руб. 50 коп. для постройки дома [21, л. 1–7].

Житель прихода Ак-Чокрак Эмир-Али-оглу собирался приобрести на южной стороне Ак-Чокрака землю для строительства дома. В сентябре 1889 г. управа поручила заведующему хозяйством города Эмиру Озенбашлы установить, нет ли препятствий для построек, и уже 8 ноября 1889 г. было выдано удостоверение [22, л. 3].

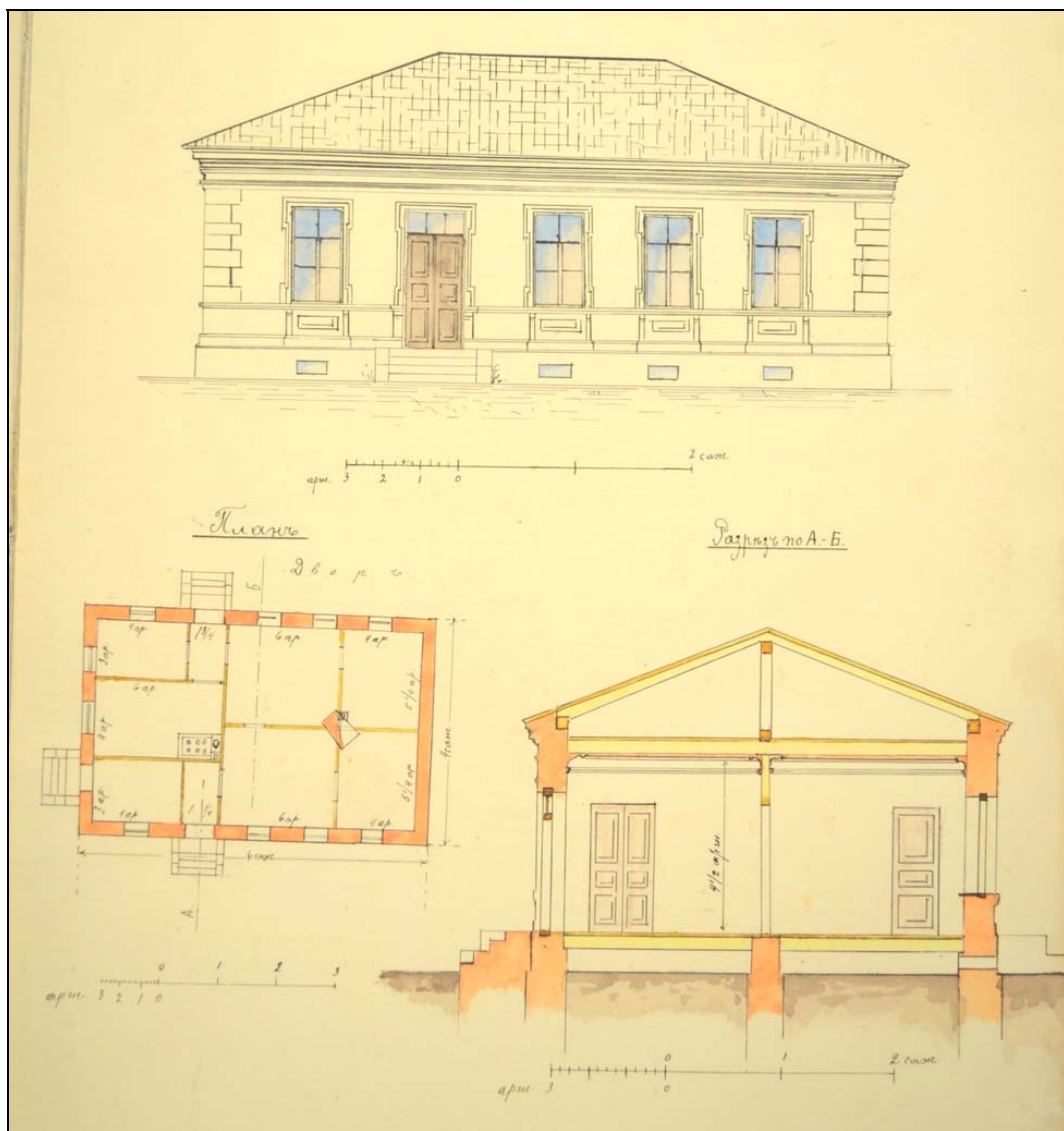

Рис. 5А. План построек в разрезе. Из архива ГАРК.

Мещанка Александра Павловна Вдовиченко, в 1897–1899 гг. проживавшая на постоялом дворе Пачаджи в Бахчисарае, хотела построить дом на Русской Слободке, которая не приносила дохода городу. Указанный участок – довольно крупный отлог скалы с почвой, негодной для использования, поэтому препятствий для постройки дома не было [23, л. 1].

Мещанин Муждаба Эмин-оглу просил управу уступить ему городскую землю для постройки дома с двором в приходе Исми-Хан, между домами купцов Аджи Зиядина и Бабакъ-оглу. Управа постановлением от 12 марта 1883 г. выделила ему 60 саж. земли в приходе Исми-Хан, на горе Ак-Каш, по 60 коп./саж. [24, л. 1].

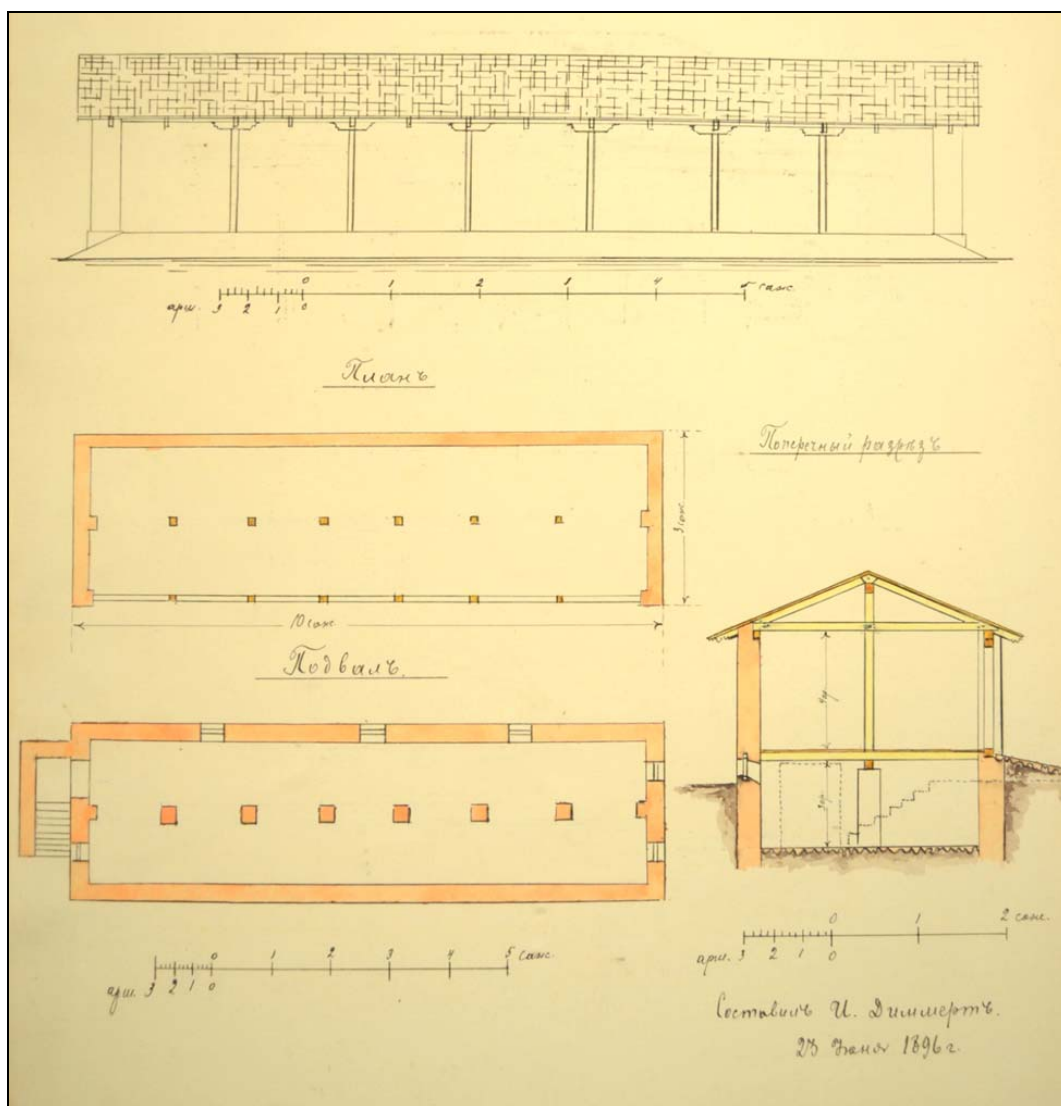

Рис. 5 Б. Генеральный план дворовых построек купца В.Стеценко. Из архива ГАРК.

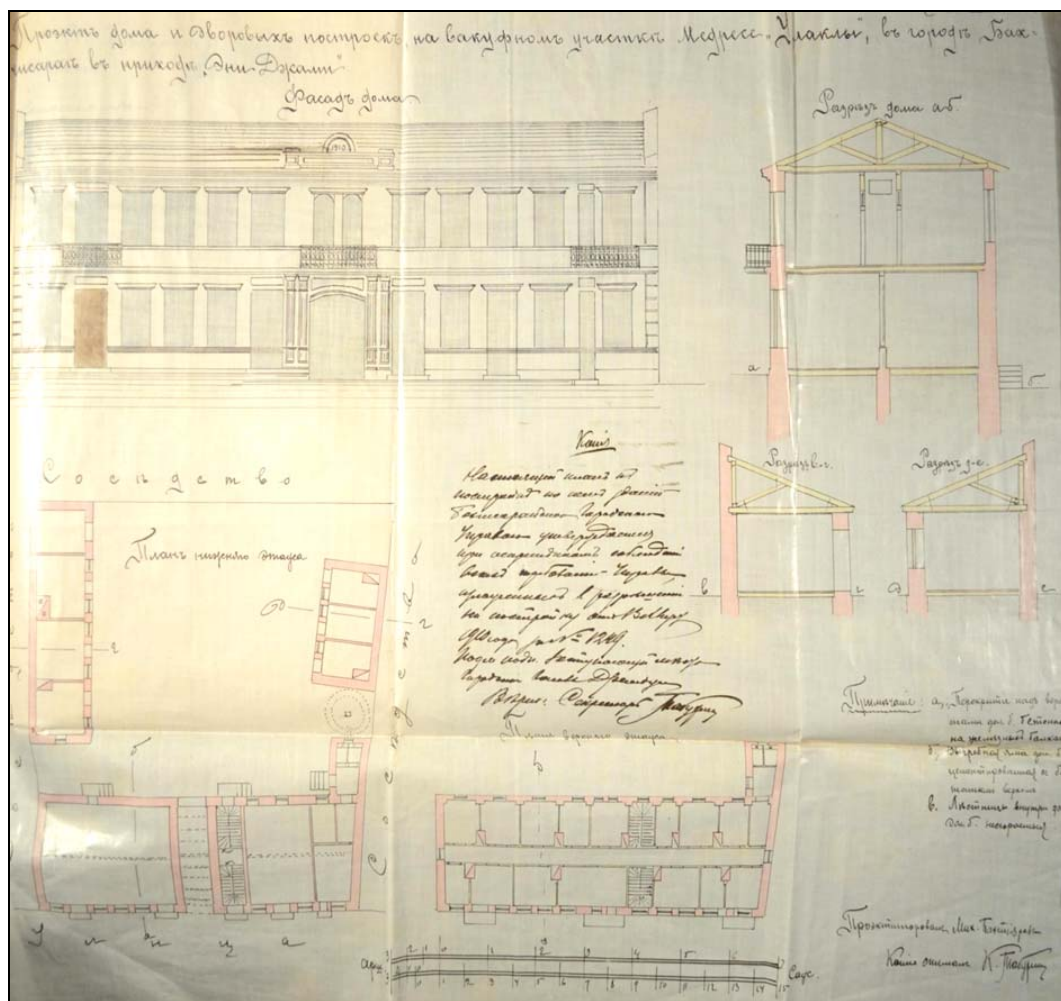

Рис. 6. Проект дома и дворовых построек на вакуфном участке медресе «Улаклы» в приходе «Яны-Джами», утвержденного в 1910 г. Из архива ГАРК.

Были случаи, когда горожане хотели приобрести городскую землю рядом с уже купленной. Мещанин ШерфединДжеппар-оглу просил управу продать ему 22 кв. саж. пустой земли возле постоянного двора симферопольского купца Сеит Мамута Топузова. Гласные Думы – Константинов, Кичо и мурза Балов – осмотрели участок. Решением Думы от 19 февраля 1882 г. было выдано удостоверение о полном владении 22 кв. саж. земли, купленных за 25 руб. серебром, с условием, что Шерфедин Джеппар-оглу должен починить фонтан и оставить к нему проход [25, л. 1–5].

Для отставных офицеров при покупке земли существовали льготы. Кайбулла Незир-оглу намеревался купить участок городской земли длиной 15 саж. шириной 10 саж. для постройки дома в приходе Эски-Юрт. Он просил Думу уступить этот участок за половину цены, т. е. за 30 коп./кв. саж., так как служил с 1855 по 1869 г.,

указ о его отставке был приложен. Ему продали 150 кв. саж. земли на сумму 45 руб., оставив дорогу для проезда подвод к роднику [26, л. 1–4].

Не всегда Управа выдавала удостоверение на покупку пустой земли. Например, мещанин Мартыненко из прихода Баба-Курт хотел купить участок земли в приходе Осман-Ага длиной 20 саж. и шириной 5 саж. Но после осмотра участка в октябре 1883 г. выяснилось, что под ним проходит водопроводная труба и рядом находится мусульманское кладбище. Мартыненко был предложен другой участок [27, л. 11].

Отставной рядовой Павел Бриленко хотел поселиться в Бахчисарае и поэтому просил управу ходатайствовать в Думе о продаже ему десятины земли под скалой возле слободки прихода Эрмени-маалле. Представитель управы Дремджи, осмотрев предполагаемый участок, заявил, что место для постройки дома неудобное, так как неподалеку находится христианское кладбище, далее – выгонное место для коров, к тому же участок находится на дороге, ведущей на гору Эрменчик. В заседании Думы от 30 июня 1882 г. было постановлено, что указанный участок не может быть отведен под постройку дома, Бриленко же предложили обратиться в управу для поиска более удобного участка [28, л. 1–3].

Основным условием при покупке городской земли было проживание в Бахчисарае не менее 10 лет. Так, бывший житель деревни Коккоз Ялтинского уезда Зиядин Зедий-оглу, проживавший в приходе Эски-Юрт в 1867–1880 гг., просил управу уступить ему землю в 15 кв. саж. Ответ управы был утвердительным [29, л. 5].

Нельзя забывать о прошениях, направляемых в Бахчисарайскую управу от лиц, которые строили дома по доверенности выдаваемыми владельцами земли. Например, турецкоподанный Павел Спиридонович Башкан направил прошение в управу о намерении построить дом на земле бахчисарайского мещанина Владимира Дмитриевича Волкова. Последний выдал ему доверенность 19 июня 1906 г. [30, л. 3]. После этого Башкан направил план предполагаемой постройки с фасадной стороной дома в управу и получил удостоверение (Рис. 7).

При смене владельца дома новый владелец подавал заявление в городскую управу. К примеру, симферопольская мещанка Варвара Ларионовна Харламова приобрела дом в приходе Хан-Джами у дворянина Василия Дмитриевича Смирнова. В заявлении от 6 июля 1895 г. она просила управу прислать чиновника для осмотра постройки и дальнейшего разрешения на перестройку [9, л. 15].

Горожанин Илья Маркович Лаврецкий в феврале 1897 г. приобрел по купчей у купца Усеина Чубукчи в приходе Орта-Джами ветхие строения с целью построить на их месте двухэтажное здание по плану, который отправил городской управе для утверждения (Рис. 8А – В). Лаврецкий утверждал, что дом будет выстроен по плану, без захвата городской земли и улицы, и просил разрешения управы пристроить к дому небольшой балкончик [19, л. 23].

Чаше всего городская управа давала разрешения, отказы встречались редко.

Также существовали случаи вынужденной перестройки домов в случае бедствий, например, пожара. В заявлении граждан Бераха и Бараха Кефели от 1 ноября 1897 года говорилось, что сгорели дом и лавка их родственников в приходе Хан-Джами. Братья Кефели просили городскую управу разрешить строительство такой же каменной одноэтажной постройки на месте сгоревшего здания длиной 7 саженей

2 аршина и высотой $1\frac{1}{2}$ сажени, которая будет крыта черепицей на 3 ската; со стороны улицы – 6 окон и 2 двери [11, л. 3]. Городская управа не противодействовала прошению, но просители были обязаны отступить с улицы внутрь своего двора на 1 аршин и 2 вершка от линии прежней фасадной стены [11, л. 4].

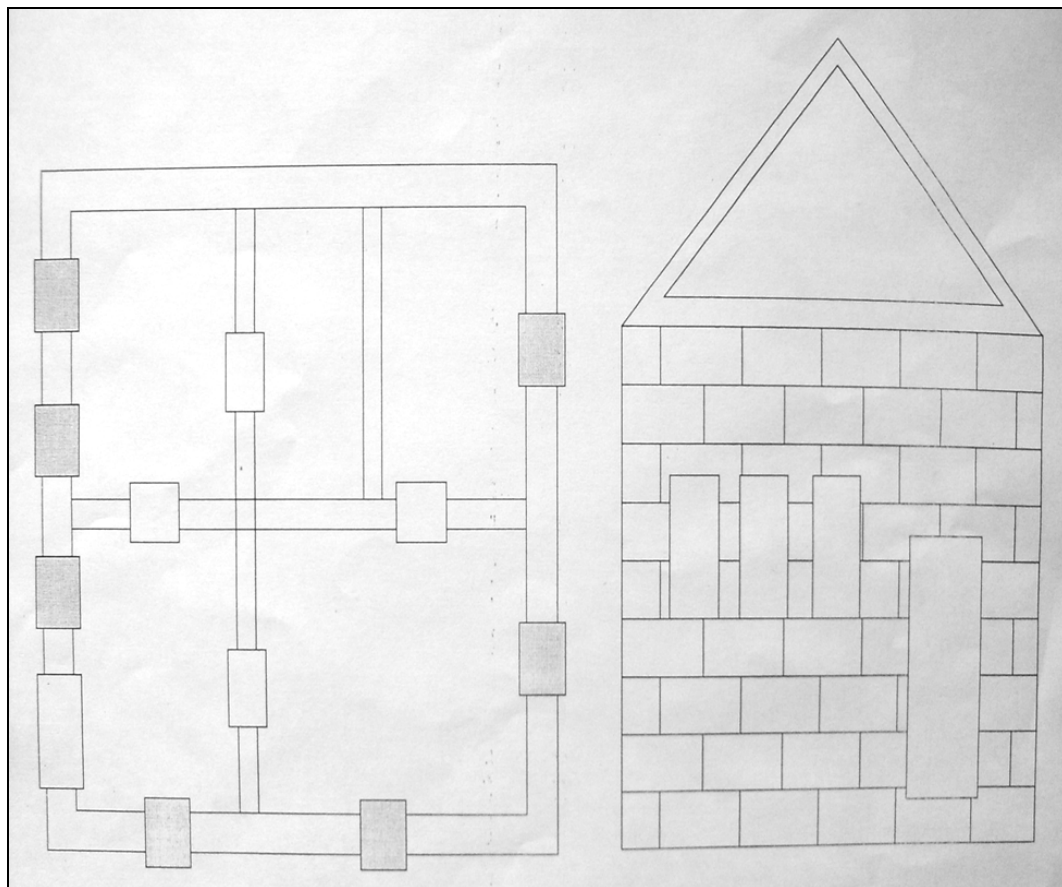

Рис. 7. План предполагаемой постройки дома П.С.Башкана в Бахчисарае в 1906 г.
Из архива ГАРК.

В первой декаде XX в. Халиль Усеин-оглу направил прошение в управу с просьбой разрешить ему построить новый дом на месте сгоревшего в приходе Хан-Джами. 8 апреля разрешение было получено.

Изредка в самом доме разворачивалось ремесленное производство. Купец Самуил Хаимов Кайсборды просил городскую управу разрешить ему построить в предместье Бахчисарая Азиз, на территории собственного дома, мыловаренный и свечной заводы. Управа, в свою очередь, выдала удостоверение от 13 ноября 1896 г. г-ну Кайсборды в том, что «со стороны городского благополучия препятствий не встречает и размещение разрешает» [12, л. 5].

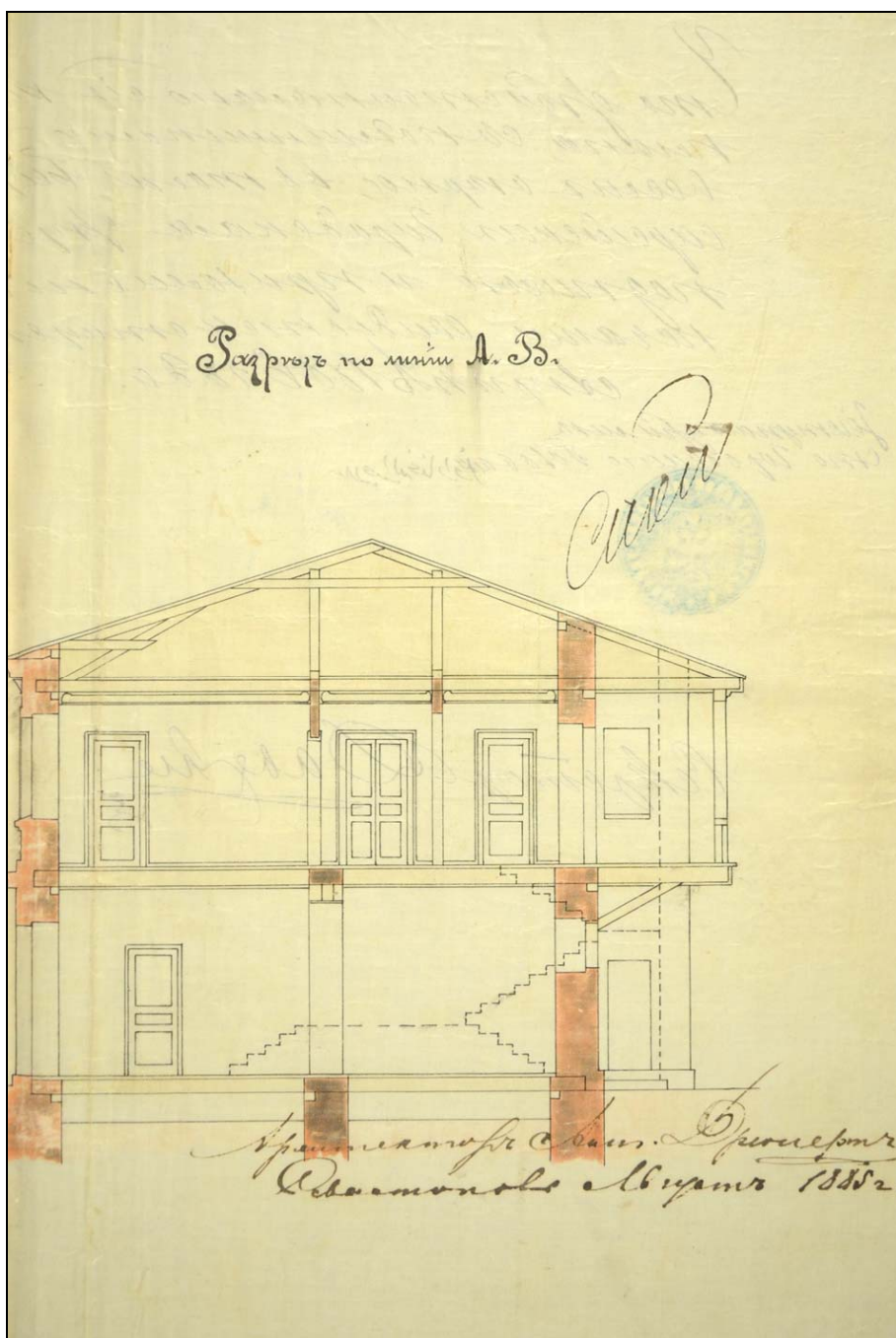

Рис.8. Проект здания И.М. Лаврецкого в разрезе в приходе «Орта-Джами», утвержденный в 1885 г. Из архива ГАРК.

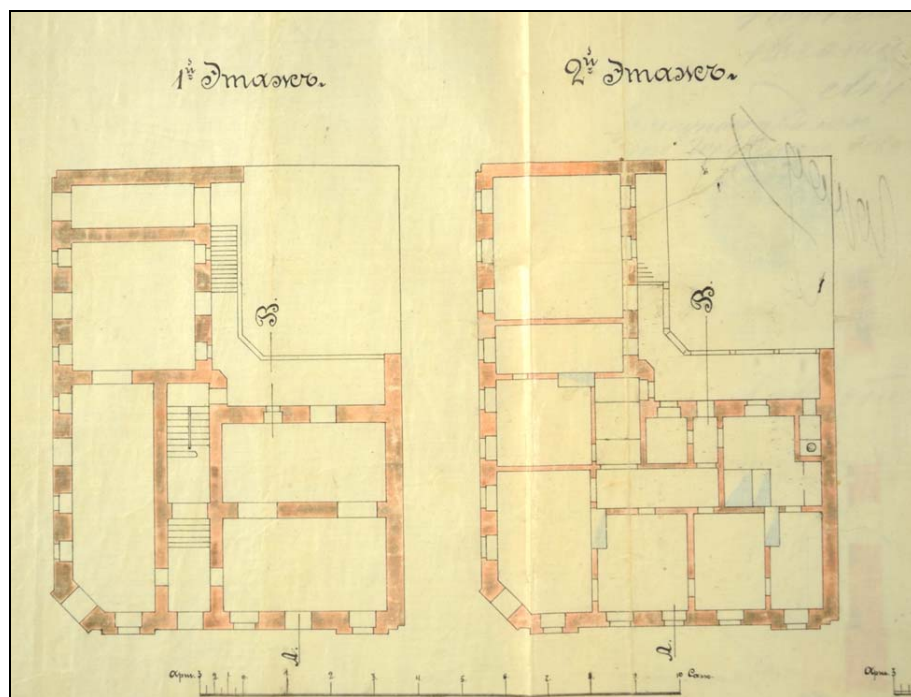

Рис. 8.А. Проект 1 и 2 этажей здания, утвержденного в 1885 г. Из архива ГАРК.

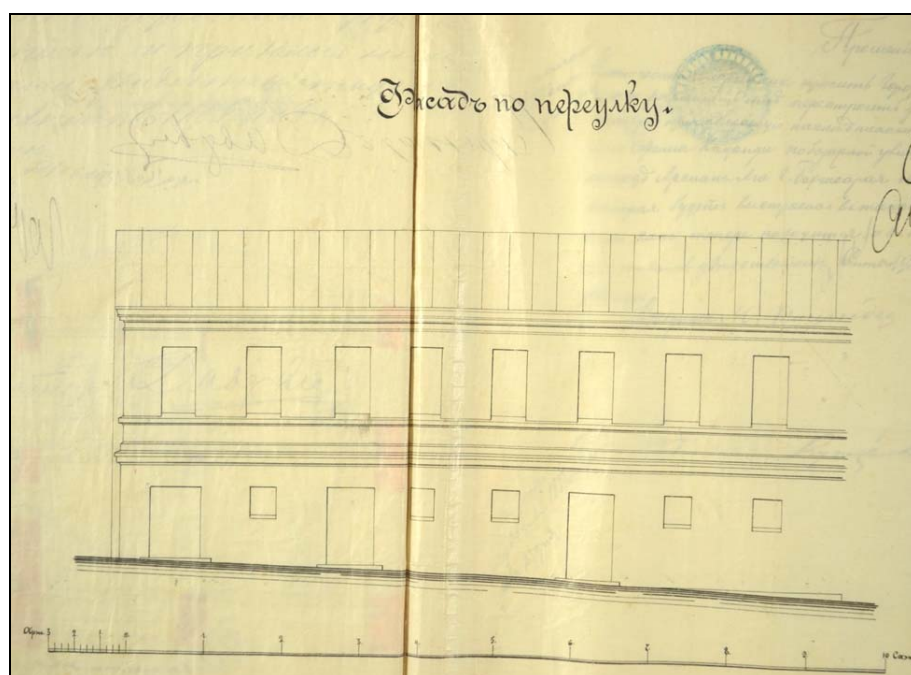

Рис. 8.Б. Проект фасада здания И.М.Лаврецкого по переулку. Из архива ГАРК.

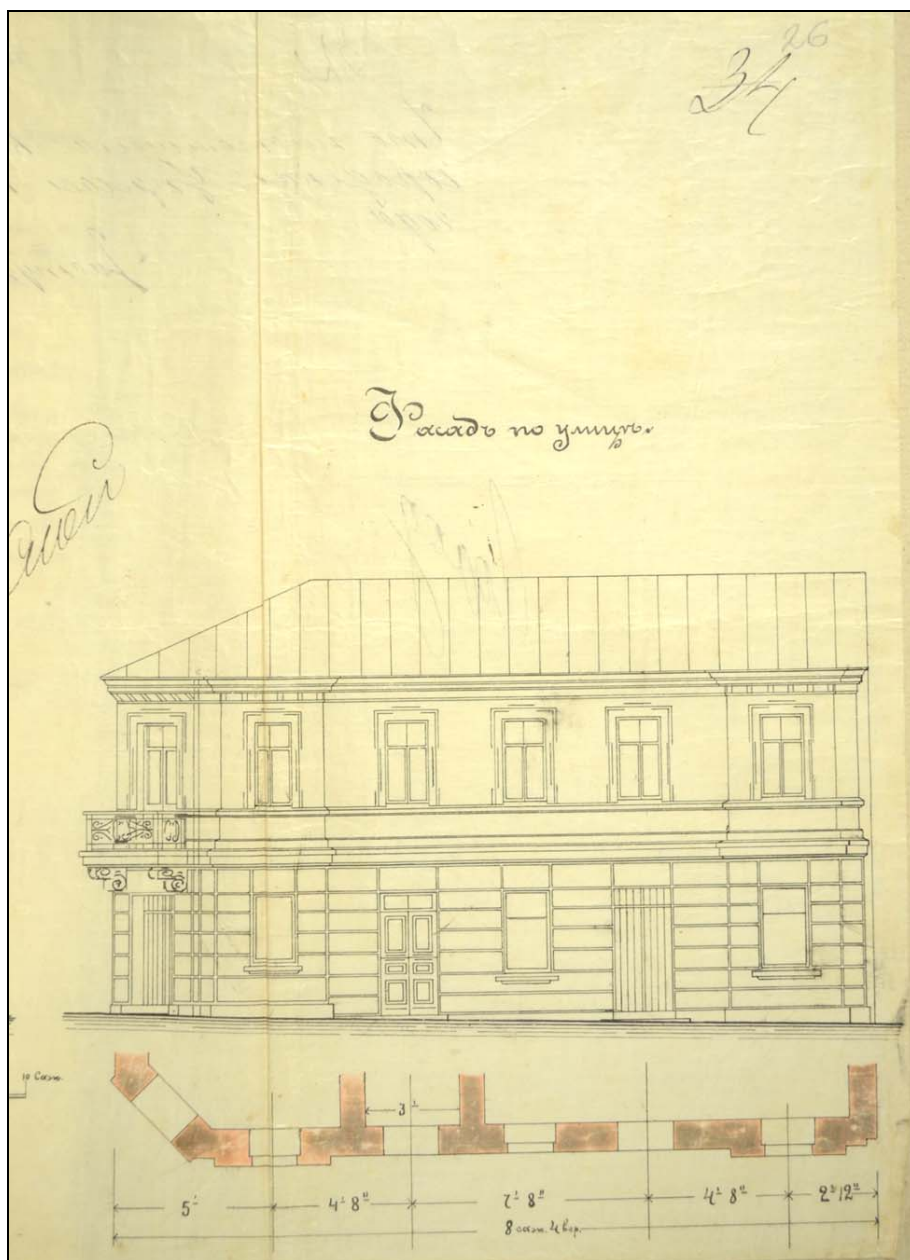

Рис. 8.В. Проект фасада здания И.М.Лаврецкого по улице. Из архива ГАРК.

Сейчас Бахчисарай изменился. Исчезли многие старые постройки, давно снесены каменные ограды. И все-таки средневековые дает о себе знать в планировке города, уникального во многих отношениях. Несмотря на хаотичность, которую отмечают путешественники, он удивительно умело вписан в горный рельеф. Эта види-

мая хаотичность – не результат произвола строителей, так веками складывалась топография города, обусловленная рельефом местности.

Список использованных источников и литературы

1. Башкиров А. Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт / А. Башкиров, У. Боданинский // Новый Восток. – 1925. – № 8–9. – 312 с.
Bashkirov A. Pamyatniki krymsko-tatarskoy stariny. Eski-Yurt / A. Bashkirov, U. Bodaninskiy // Novyy Vostok. – 1925. – № 8-9. – 312 s.
2. Боданинский У. А. Бахчисарайские памятники / У. А. Боданинский. – Симферополь: Тип. Тавр. губ. зем. – 1916. – 5 с.
Bodaninskiy U. A. Bakhchisarayskie pamyatniki / U. A. Bodaninskiy. – Simferopol': Tip. Tavr. gub. zem. – 1916. – 5 s.
3. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. – 1927. – № 2 (4). – С. 111–168.
Zasyrkin B. N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar // Krym. – 1927. – № 2 (4). – S. 111 – 168
4. Куфтин Б. А. Татарский дом города Бахчисарая / Б. А. Куфтин // Крымские татары. – Симферополь: Доля, 2005. – С. 294–299.
Kuftin B. A. Tatarskiy dom goroda Bakhchisaraya / B. A. Kuftin // Krymskie tatary. – Simferopol': Dolya, 2005. – S. 294–299.
5. Фадеева Т. М. Бахчисарай и его окрестности: Путеводитель / Т. М. Фадеева. – Симферополь: Бизнес – Информ, 2003. – 191 с.
Fadeeva T. M. Bakhchisaray i ego okrestnosti: Putevoditel' / T. M. Fadeeva. – Simferopol': Biznes – Inform, 2003. – 191 s.
6. Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ). Ф. 3, оп. 1. Разработка и обоснование охранных зон на территории Бахчисарайского Историко-Культурного Заповедника (БИКЗ). Жилой дом-усадьба конца XVIII – начала XIX вв., ул. К. Маркса, 31. Историческая записка. – Симферополь, 1995. – 4 л.
Nauchnyy arkhiv Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeya-zapovednika (BIKAMZ). F. 3, op. 1. Razrabotka i obosnovanie okhrannykh zon na territorii Bakhchisarayskogo Istoriko-Kul'turnogo Zapovednika (BIKZ). Zhiloy dom-usad'ba kontsa VIII – nachala XIX., ul. K. Marksa, 31. Istoricheskaya zapiska. – Simferopol', 1995. – 4 l.
7. Государственное казенное учреждение Республики Крым (ГКУ РК) «Государственный архив Республики Крым» («ГАРК»), ф. 27, оп. 13, д. 1850. О составлении плана городам: Старого Крыма, Карасубазара, Орехова, Бахчисарая и Ялты в 1883 – 1888 гг., 87 л.
Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym (GKU RK) «Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym» («GARK»), f. 27, op. 13, d. 1850. O sostavlenii plana gorodam: Starogo Kryma, Karasubazara, Orekhova, Bakhchisaraya i Yalty v 1883–1888 gg., 87 l.
8. Научный архив БИКАМЗ. Ф. 3, Оп. 1. Проведение исследований и разработка историко-архитектурного опорного плана и зон охраны культурного наследия исторического центра Бахчисарая. Т. 2. – Кн. 1. Историко-архитектурный опорный план исторического центра Бахчисарая. Текстовая и графическая части. – Киев, 2005. – 178 с.
Nauchnyy arkhiv BIKAMZ. F. 3, Op. 1. Provedenie issledovaniy i razrabotka istoriko-arkhitekturnogo opornogo plana i zon okhrany kul'turnogo naslediya istoricheskogo tsentra Bakhchisaraya. T. 2. – Kn. 1. Istoriko-arkhitekturniy opornyy plan istoricheskogo tsentra Bakhchisaraya. Tekstovaya i graficheskaya chasti. – Kiev, 2005. – 178 s.
9. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 761. О разрешении обывателям Бахчисарая постройки и перестройки зданий в 1895 г., 19 л.
GKU RK «GARK», f. 64, op. 1, d. 761. O razreshenii obyvatel'nyam Bakhchisaraya postroyki i perestroyki zdaniy v 1895 g., 19 l.
10. ГКУ РК «ГАРК», ф. 27, оп. 13, д. 1790. О ремонте Бахчисарайского дворца в 1887 г., 53 л.
GKU RK «GARK», f. 27, op. 13, d. 1790. O remonte Bakhchisarayskogo dvortsya v 1887 g., 53 l.
11. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 873. О разрешении обывателям строить новые здания, а также перестраивать старые в 1897 г., 13 л.

**РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПОСТРОЕК БАХЧИСАРАЯ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 873. О razreshenii obyvatel'nykh stroit' novye zdaniya, a takzhe perestraivat' starye v 1897 g., 13 l.

12. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 391. О разрешении обывателям строить новые здания и перестраивать старые дома, 1886 г., 9 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 391. О razreshenii obyvatel'nykh stroit' novye zdaniya i perestraivat' starye doma, 1886 g., 9 l.

13. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64 оп. 1, д. 465. О составлении плана города Бахчисарая, 1888–1892 гг., 31 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64 оп. 1, д. 465. О sostavlenii plana goroda Bakhchisaraya, 1888–892 gg. 31 l.

14. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 425. О разрешении обывателям строить новые здания и перестраивать старые дома, 1887 г., 12 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 425. О razreshenii obyvatel'nykh stroit' novye zdaniya i perestraivat' starye doma, 1887 g., 12 l.

15. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 216. Об уступке бахчисарайскому мещанину Сеит Мустафе городской земли в приходе Хан-Джами для постройки дома, 1882 г., 5 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 216. Ob ustupke bakhchisarayskomu meshchaninu Seit Mustafe gorodskoy zemli v prikhode Khan-Dzhami dlya postroyki doma, 1882 g., 5 l.

16. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 937. Об уступке городской земли в приходе Асма-Кую, мещанину Аджи Мустафе Сеит-Ибрагим-оглу под постройку дома в 1888 г., 2 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 937. Ob ustupke gorodskoy zemli v prikhode Asma-Kuyu, meshchaninu Adzhi Mustafe Seit-Ibragim-oglu pod postroyku doma v 1888 g., 2 l.

17. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 343. О разрешении обывателям Бахчисарая производить новую постройку и перестройку старых, 1885 г., 30 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 343. О razreshenii obyvatel'nykh Bakhchisaraya proizvodit' novuyu postroyku i perestroyku starykh, 1885 g., 30 l.

18. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 1460. О разрешении обывателям строить новые здания и перестраивать старые дома, 1910 г., 62 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 1460. О razreshenii obyvatel'nykh stroit' novye zdaniya i perestraivat' starye doma, 1910 g., 62 l.

19. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 818. О разрешении обывателям строить новые здания и перестраивать старые, 1896 – 1897 гг., 49 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 818. О razreshenii obyvatel'nykh stroit' novye zdaniya i perestraivat' starye, 1896–1897 gg., 49 l.

20. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 87. Об уступке городской земли в приходе Табана-Маале, мещанину Муждабаджи Осман-оглу для постройки дома, 1879–1881 гг., 20 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 87. Ob ustupke gorodskoy zemli v prikhodeTabana-Maale, meshchaninu Muzhdaba Adzhi Osman-oglu dlya postroyki doma, 1879–1881 gg., 20 l.

21. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 89. Об уступке городской земли в приходе Ак-Каш мещанину Абдуль Керим Асан-оглу для постройки дома, 1879–1882 гг., 9 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 89. Ob ustupke gorodskoy zemli v prikhodeAk-Kash meshchaninu Abdul' Kerim Asan-oglu dlya postroyki doma, 1879–1882 gg., 9 l.

22. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 944. Об уступке городской земли для постройки домов в приходе Табана-Маале, мещанину ИбраимуАмет-оглу и др. в 1889 г., 5 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 944. Ob ustupke gorodskoy zemli dlya postroyki domov v prikhode Tabana-Maale, meshchaninu Ibraimu Amet-oglu i dr. v 1889 g., 5 l.

23. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 982. Об уступке Бахчисарайской Городской Думой городской земли на слободке, мещанке Вдовиченко для постройки дома, 1899 г., 1л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 982. Ob ustupke Bakhchisarayskoy Gorodskoy Dumoy gorodskoy zemli na slobodke, meshchanke Vdovichenko dlya postroyki doma, 1899 g., 1l.

24. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 263. Об отводе земли в приходе Исми-Хан мещанину Муждаба Эмин-оглу для постройки дома, 1883 г., 2 л.

ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 263. Ob otvodezemli v prikhodeIsmi-Khan meshchaninu Muzhdaba Emin-oglu dlya postroyki doma, 1883 g., 2 l.

25. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 212. Об уступке мещанину Шерфедину городской земли для постройки, 1882 г., 7 л.

GKU RK «GARK», f. 64, op. 1, d. 212. Ob ustupke meshchaninu Sherfedinu gorodskoy zemli dlya postroyki, 1882 g., 7 l.

26. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 312. Об уступке городской земли в приходе Эски-Юрт мещанину Незирову для постройки дома, 1884 г., 4 л.

GKU RK «GARK», f. 64, op. 1, d. 312. Ob ustupke gorodskoy zemli v prikhode Eski-Yurt meshchaninu Nezirovu dlya postroyki doma, 1884 g., 4 l.

27. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 137. О разрешении обывателям Бахчисарая производить постройки и перестройки зданий без захвата городской земли, 1880–1883 гг., 17 л.

GKU RK «GARK», f. 64, op. 1, d. 137. O razreshenii obyvatel'nykh Bakhchisaraya proizvodit' postroyki i perestroyki zdaniy bez zakhvata gorodskoy zemli, 1880–1883 gg., 17 l.

28. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 223. Об отводе места в приходе Эрмене-маале отставному рядовому Павлу Бриленко для постройки дома, 1882 г., 6 л.

GKU RK «GARK», f. 64, op. 1, d. 223. Ob otvode mesta v prikhode Ermene-maale otstavnomu ryadovomu Pavlu Brilenko dlya postroyki doma, 1882 g., 6 l.

29. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 280. Об уступке городской земли в приходе Эски-Юрт Зиядину Зиядий-оглу для постройки дома, 1881 г., 9 л.

GKU RK «GARK», f. 64, op. 1, d. 280. Ob ustupke gorodskoy zemli v prikhode Eski-Yurt Ziyadinu Ziyadiy-oglu dlya postroyki doma, 1881 g., 9 l.

30. ГКУ РК «ГАРК», ф. 64, оп. 1, д. 669. О разрешении обывателям города Бахчисарая производить постройки, 1893 г., 7 л.

GKU RK «GARK», f. 64, op. 1, d. 669. O razreshenii obyvatel'nykh goroda Bakhchisaraya proizvodit' postroyki, 1893 g., 7 l.

Osmanov E. E. REPAIR WORKS CIVIL BUILDINGS OF BAKHCHISARAY IN LATE XIX – EARLY XXCENTURIES // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 4. – P.

Civil buildings of modern Bakhchisaray was built in the nineteenth and twentieth centuries. Their original form has been changed in the course of restoration work. The most common forms are home to one and two floors, the ground floor are located utility premises, on the second – living rooms. The windows are small, square, with iron and wooden bars overlook the courtyard. Doors open into the house and rooms. Wall house facing the street, has traditionally been deaf window in these walls, if they are in old buildings now, were cut later.

During this period, residents of Bakhchisaray rebuilt their homes largely. The reasons for restructuring were different. The most common cause was the disrepair buildings, built back in the time of khan. An important condition was a flat line on the facade with the neighboring houses during demolition, reconstruction or construction of new buildings.

A special group of petitions sent to the council of Bakhchisarai are copies of the alleged plans of buildings on their own land. In some cases Uprava of Bakhchisarai sent to the place of the future construction its members before issuing a license.

The city was still plenty of vacant land somewhere under a rock or in a mountainous area. The main condition for the purchase of urban land was living in Bakhchisarai at least 10 years. There were also cases of forced restructuring of buildings in the event of disasters, such as fire.

Medieval quarterly planning of Bakhchisarai partially preserved during the urban development in recent decades. At the present stage in the city built new residential communities with high – rise buildings. It is very important to pay attention to the surviving monuments of history and architecture, some of which turned out to be in the center of the construction work.

Keywords: Bakhchisarai, city plan, Crimean Tatar architecture, blocks of flats, construction and repair of buildings.

УДК 86.38

АРАВИЙСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО: ПОЧЕМУ НЕТ?

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Ispivaq@rambler.ru*

Анализируются причины, в силу которых многие авторы, обращающиеся к проблеме генезиса ислама и написанию его ранней истории, не считают необходимым подробно останавливаться на реконструкции доисламских верований и ритуалов языческого населения Аравии. Несмотря на то, что важность изучения аравийского язычества в контексте истории возникновения ислама была признана зарубежными и отечественными востоковедами уже к середине XX в., до сих пор в учебных пособиях, обобщающих работы по исламу, сочинениях авторов мусульманской традиции духовная жизнь доисламских арабов занимает неоправданно малое место. Анализ литературы приводит к выводу, что в основе сложившейся ситуации лежат методологически неоправданные подходы к изучению ислама. Среди прочих, таким является взгляд на ислам как на результат внешнего влияния со стороны иудаизма и христианства. Делается вывод о том, что процесс религиозной самоидентификации мусульманской общины, вызванный непризнанием пророческой миссии Мухаммада иудеями Хиджаза, способствовал обращению основателя ислама к собственно аравийским духовным реалиям. С точки зрения авторов мусульманской традиции, аравийское язычество есть результат деградации монотеизма Ибрахима и Исмaила, что существенно снижает интерес к его изучению. Дополнительным нивелирующим фактором является выработанная средневековой мусульманской историографией концепция «Божьей опеки» пророка. Таковы, по мнению автора, наиболее распространенные стереотипы, препятствующие презентации на должном уровне результатов научного изучения аравийского язычества в разнообразной учебно-методической и обобщающей литературе по ранней истории ислама.

Ключевые слова: аравийское язычество, Ибн Хишам, ислам, историография, иудаизм, Мухаммад, Хишам ал-Калби, христианство.

В конце 80-х гг. XIX в., оценивая тогдашний уровень научных знаний относительно верований доисламских арабов, Август Мюллер писал: «Немного вообще знаем мы о религии арабов до ислама» [1, с. 78]. Вероятно, этим обстоятельством и было обусловлено то, что в своей многотомной «Истории ислама» автор счел возможным уделить не более десятка страниц этому предмету, да и то, ограничить его изложением самых общих положений [1, с. 78–83]. С того момента, проделав немалый путь, мировая историография обогатилась целым рядом как специальных, так и обобщающих исследований по предмету аравийского язычества. Прежде всего, следует упомянуть вышедшую в 1897 г. в Берлине работу Юлиуса Вельхаузена «*Reste arabischen Heidentums*» [2], которая не только подвела своеобразный итог развитию знаний о доисламских верованиях арабов, но и определила основные перспективы развития науки в этом направлении. В 1908 г. в рамках изданного первого тома «*Encyclopaedia of Religion and Ethics*» публикуется статья выдающегося востоковеда Т. Нёльдеке «*Arabs (Ancient)*», в которой автор, основываясь на выводах, Ю. Вельхаузена, представляет, по признанию М. Уотта, «лучшее описание древней аравийской религии на английском языке» [3, р. 659–673; 4, с. 42]. В 1920 г. представления об аравийском язычестве были существенно дополнены, благодаря результатам работы Анри Ламменса, которые он изложил в обширной статье: «*Le Culte des betyles*

et les processions religieuses chez les arabes preislamites» [5, p. 39–101]. Важной вехой в изучении доисламских верований арабов стал 1924 г., в котором было опубликовано второе, сделавшее его доступным в оригинале, издание важнейшего источника по духовной жизни Аравии до ислама. Это обнаруженная в 1914 г. египетским ученым Ахмадом Заки-пашой «Книга об идолах» Хишама Мухаммада ал-Калби, ставшая известной русскоязычному читателю в 1984 г. [6, с. 11]. Следует заметить, что авторы, писавшие прежде, в том числе и Ю. Вельхаузен, были вынуждены восстанавливать текст Хишама ал-Калби по ссылкам и цитатам из его сочинения, которые содержались в трудах других мусульманских ученых.

Благодаря усилиям востоковедов, уже к середине прошлого столетия стало очевидно, что историю раннего ислама и особенности его генезиса невозможно понять без учета реалий аравийского язычества.¹ Как положительный опыт, среди разнообразной научной и научно-популярной литературы конца XX в., следует выделить монографию Ф. Петерса «Muhammad and the Origins of Islam», вышедшую в Нью-Йорке в 1994 г., в которой, по нашему мнению, проблеме связи раннего ислама с доисламскими верованиями арабов уделяется должное внимание [8, p. 105–133]. Однако, несмотря на отмеченные успехи в развитии источниковой базы и знаний о духовной жизни доисламской Аравии, на протяжении XX в. наблюдалась тенденция, когда авторы, создававшие общие очерки по истории ислама не считали нужным подробно останавливаться на анализе содержания и форм аравийского язычества. Примером такого подхода может служить хорошо известный русскоязычному читателю по переводу 1963 г. очерк истории ислама Анри Массэ, в котором автор ограничился пересказом основных положений упомянутой статьи А. Ламменса [9, с. 18–20]. Та же тенденция наблюдается в работе Г. Э. фон Грюнебаума «Классический ислам», вышедшей в переводе на русский язык в издательстве «Наука» в 1986 г. [10]. Уделив внимание аравийскому язычеству, Густав фон Грюнебаум только констатировал его основные черты: культ неба «общий для семитов», «фатализм и культ звезд», «отношение к местному богу как к царю» [10, с. 23–26]. Совсем немного информации, по интересующему нас вопросу о связи ислама с предшествующим периодом религиозной жизни языческого населения Аравийского полуострова, содержится в многотомном издании «The Cambridge History of Islam», вышедшем впервые в 1970 г. и выдержавшем несколько переизданий, вплоть до 2008 г. [11, p. 8, 24, 27, 35, 37]. В 2006 г. в издательстве «Диля» вышла в свет, переведенная на русский язык, работа Уильяма Монтгомери Уотта «Мухаммад в Мекке», написанная в 1953 г. Приступая к изложению результатов изучения деятельности Мухаммада в Мекке, У. М. Уотт счел возможным обойти вопросы, связанные с доисламскими верованиями арабов, объяснив свою позицию следующим образом: «Мы не будем детально рассматривать эти вопросы здесь, поскольку общепризнано, что архаическая языческая религия имела сравнительно незначительное влияние во времена Мухаммада» [4, с. 42]. Желających более подробно ознакомиться с реалиями религиозной жизни доисламской Аравии, автор отсылает к уже упомянутой статье Т. Нёльдеке.

¹ Перечень зарубежных исследователей, разрабатывавших эту проблематику накануне и в период после Второй мировой войны см.: Резван Е. А. Коран и доисламская культура [7, с. 47].

Сказанное, отчасти, справедливо, на наш взгляд, и для отечественной историографии. Здесь, наряду с многочисленными и обстоятельными исследованиями по отдельным вопросам аравийского язычества [12 с. 36–43; 13, с. 19–27; 14, с. 9–17; 15, с. 105–167; 16; 17, с. 124–131; 18, с. 185–201; 19, с. 143–170, 259–266; 20], во-первых, отсутствуют современные обобщающие сочинения, посвященные этому предмету, а во-вторых, его анализу уделяется очень незначительное место в общих работах по истории ислама. Показательно, что в самом подробном, из принадлежащих современной отечественной историографии, исследовании ислама в Аравии характеристике верований доисламского периода уделено всего несколько страниц, что, возможно, объясняется замыслом автора, выраженным в генеральном названии всех частей работы: «История Халифата» [21, с. 41–43, с. 52–59]. Выдающийся отечественный востоковед А. Крымский в начале XX в. писал: «Новейшие работы относительно древней религии арабов и происхождения ислама меня совсем не удовлетворили (принужден это высказать, хотя охотно отдаю честь усердию, учености и проницательности их авторов), потому что вопрос, в сущности, не многим стал яснее прежнего» [22, с. 43]. Он возвращается к этой проблеме в 1912 г. во второй части своей «Истории арабов и арабской литературы», в разделе «Религиозное состояние Аравии перед исламом», где арабскому язычеству, с отсылками к работам, преимущественно, зарубежных востоковедов, уделено две страницы. Характеристика, данная А. Крымским языческим представлениям арабов, сводится к следующему: «Языческие верования Аравии представляли собой полидемонизм: веру во многих богов и в мелких духов-джиннов. Существовал культ предков. Существовал страх перед роком, судьбою («манайя»). Кое-где существовало почитание звезд. Имелись свои святилища, где находились идолы – человекообразные или иные, священные деревья, священные камни... Имелись у арабов и шаманы-предсказатели [23, с. 243]. В 1918 г. выходит в свет очерк В. В. Бартольда «Ислам», где в очень краткой форме только перечисляются некоторые основные черты, присущие аравийскому язычеству: культ Лат, Уззы, Манат, вера в джиннов, высказывается, среди прочего, мысль о тождественности Хубала и Аллаха, почитание идолов и камней [24, с. 87–88]. Ситуация в отечественном востоковедении относительно вопроса о связи аравийского язычества с происхождением и ранней историей ислама к середине XX в. изменилась несущественно. В пользу сказанного свидетельствуют две работы отечественных востоковедов, вышедшие в середине 60-х гг.: «Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье» Е. А. Беляева и «Ислам в Иране» в VII–XV веках» И. П. Петрушевского. Оба автора, пытаясь вписать феномен возникновения ислама в контекст марксистского понимания исторического процесса, как и их предшественники, ограничились перечислением общих положений аравийского язычества. Так, Е. А. Беляев писал: «Пантеон божеств сложился только в воображении оседлого населения цивилизованного Йемена, где существовали храмы и получил развитие религиозный культ. Что же касается жителей других областей Аравийского полуострова, то их религиозные верования представляли собой довольно беспорядочную смесь фетишизма, тотемизма и анимизма» [25, с. 82]. Под этими терминами автор подразумевал: культ камней, «смутные» представления о душе и загробном мире, веру в джиннов, следы религиозных представлений, зафиксированные в тотемиче-

ских названиях племен [25, с. 82–83]. Во введение к своей работе об истории ислама в Иране, озаглавленном «Возникновение ислама» И. П. Петрушевский, отстаивая марксистский тезис о детерминированности форм общественного сознания социально-экономическими отношениями, вынужден был так же уделить совсем немного внимания (всего несколько абзацев) характеристике доисламских верований арабов. Несмотря на признание того, что: «кое-что, главным образом из обрядовой практики, вошло в ислам и из староарабской религии», все же вопрос о важности аравийского язычества для понимания генезиса ислама решался исследователем скорее отрицательно. «Основа для зарождения новой религии была материальная, социально-экономическая. Разрушалось староарабское патриархальное общество.... Вместе с этим обществом должно было пасть и старое примитивное язычество с его астральными, анимистическими и племенными божествами и культом. Его должна была заменить новая религиозная идеология...» [26, с.14].

Между тем, следует отметить, что вопрос о важности изучения аравийского язычества в контексте анализа проблемы возникновения ислама, давно был поставлен в отечественной историографии. Еще в 1885 г. выражая сожаление по поводу недостаточной разработанности темы, автор «Очерка религиозного быта арабов язычников в эпоху Мухаммада» М. Машанов отмечал, что: «...ничего не сделано в литературе относительно рассмотрения ислама в связи с религиозным, семейным, политическим и нравственным состоянием арабов, современных Мухаммеду..., а между тем, это последнее очень важно для понимания ислама» [27, с. 4–5]. Несмотря на то, что объемный труд М. Машанова был подвергнут суровой критике со стороны представителей академического востоковедения [23, с. 243], в самой постановке вопроса, он не ошибся. Спустя столетие, П. А. Грязневич, характеризуя точку зрения В. В. Бартольда и современное состояние проблемы, писал: «В. В. Бартольд, как и современные исламоведы, не рассматривал внутренней преемственной связи ислама и языческих верований, которых придерживался почти половину своей жизни сам Мухаммад и которых придерживались его соплеменники и современники, ставшие затем мусульманами. Он ограничился в этой связи эмпирическим изложением сведений о верованиях и обрядах доисламской Аравии, как это делается и по сей день в специальных исследованиях и учебных пособиях [28, с. 7]. Переломным для отечественной историографии, в вопросе отношения к проблеме изучения генетической связи ислама с духовными реалиями доисламской Аравии, по нашему мнению, стал 1984 г. В этом году в Москве издательством «Наука» был выпущен сборник «Ислам. Религия, общество, государство», в который вошли статьи ведущих отечественных востоковедов. Сразу несколько авторов акцентировали внимание читателя на важности изучения доисламской культуры и религиозной жизни арабов в контексте формирования религиозно-идеологических и обрядовых норм ислама. Помимо, уже отмеченной, в равной степени, как историографической, так и программной статьи П. А. Грязневича [28, с. 5–18], следует выделить работы М. Б. Пиотровского [13, с. 19–34], И. Ш. Шифмана [12, с. 36–43], Е. А. Резвана [7, 44–58; 29, с. 59–68]. Вряд ли есть смысл пересказывать содержание этих, хорошо известных русскоязычному читателю работ. Отметим только некоторые, наиболее важные, с нашей точки зрения, выводы, сделанные авторами. Во-первых, ислам – «за-

кономерный этап в эволюции религиозной формы сознания населения Внутренней Аравии» [28, с. 15]; во-вторых, деятельность Мухаммада – часть пророческого движения, существовавшего в Аравии VII в. [13, с. 25]¹; в-третьих, многие ритуальные установления ислама, (запрет пить вино, вкушать свинину, формы почитания Ка'бы) имеют корни в древних религиозных представлениях «бывших общими как для северо-западных, так и для южных семитов» [12, с. 41]; наконец, возникновение понятийного аппарата раннего ислама во многом связано с доисламской традицией и представляет собой ее трансформацию в свете идей монотеизма [29, с. 65]. Идея о важности «аравийского элемента» как истока ислама разрабатывались отечественными востоковедами и в дальнейшем. Так, в 1991 г. было опубликовано исследование М. Б. Пиотровского под названием «Коранические сказания», где, среди прочего, показаны роль и место собственно аравийских преданий и исторических событий в процессе формирования текста Корана [30; 31]. В том же году под общей редакцией С. М. Прозорова выходит в свет коллективная работа «Ислам. Историографические очерки», первый раздел которой, посвященный изучению Корана, написан ведущим отечественным специалистом Е. А. Резваном. Анализируя существующие в историографии подходы к изучению Корана, автор исходит из принципиальной невозможности понимания коранического текста и изучения проблемы генезиса ислама без обращения к реалиям культурной и духовной жизни доисламской Аравии, совершенно справедливо, при этом, предостерегая от «абсолютизации аравийского элемента» [32, с. 7–84]. Позднее автор писал: «для адекватного истолкования мировоззрения, зафиксированного Кораном, первостепенное значение имеет выявление характера преемственности коранических представлений с соответствующим понятийным аппаратом, кругом традиций, идей и образов языческой Аравии» [33, с. 46]. Казалось бы необходимость поиска генетических корней ислама в аравийском язычестве, как в одном из его источников, очевидна. Однако между достижениями академической науки и презентацией их в учебно-методической и общей литературе существует определенная дистанция. Продолжают выходить в свет разнообразные учебные пособия, популярные издания и обобщающие работы в которых, в лучшем случае, перечисляются некоторые особенности и божества доисламского прошлого Аравии [34, с. 61–68].

Почему вопрос об аравийском язычестве в контексте возникновения и ранней истории ислама представляется нам столь важным? Верования и основанная на них ритуальная практика, которых придерживалась основная масса населения Аравии накануне возникновения ислама, в литературе чаще всего характеризуют как – «остатки древних общесемитских верований, зафиксированных в Ветхом завете и религиях других семитских культур древности» [21, с. 41], «последний бастион» семитского язычества» [33, с. 39]. Именно критика язычества и разрыв с его традицией составили, надо думать, первое содержание коранической проповеди, среди идей которой господствуют идея милосердия и всемогущества Бога, наряду с идеей

¹ Нужно отметить, что некоторые положения, представленные в сборнике, высказывались авторами и в предшествующих работах. См., например: Пиотровский М. Б. Мухаммед, пророки, лжепророки, кахины [14, с.9-18]. Как следует из аннотации к сборнику: «В основу статей сборника легли доклады, прочитанные на ежегодных сессиях ленинградских арабистов начиная с 1976 г.»

Страшного Суда [4, с. 89–98; 21, с. 73]. Очевидно, что возникновение и утверждение ислама, связано, в первую очередь, с возникновением и утверждением нового для языческого населения Аравии религиозного опыта [10, с. 27]. Известный американский шумеролог Торкильд Якобсен, презентуя результаты своего исследования истории религии Месопотамии, писал: «Основой всякой религии... является на наш взгляд, совершенно особый опыт противостояния силе, находящейся за пределами нашего мира» [35, с. 10]. Суть уникальности этого религиозного опыта, как представляется, удачно определил Я. Ассман: «...существует некая сфера религиозной коммуникации, которую я предлагаю назвать «пространством близости к богу». Это «пространство» имеет свои «измерения», набор которых специфичен для каждой культуры и эпохи» [36, с. 14; 37, с. 29]. Таким образом, применительно к проблеме происхождения ислама, сказанное означает, что в результате пророческой и общественной деятельности Мухаммада возникло и утвердилось некое новое «пространство близости к Богу», уникальное как по отношению к аравийскому язычеству, так и, в конечном счете, по отношению к иудаизму и христианству. Суть этого специфически «исламского пространства», по нашему глубокому убеждению, невозможно выяснить, не составив четкого представления о том, от чего отказывался Мухаммад, и от чего призывал отказаться своих последователей, без учета опыта отрицательной религиозной самоидентификации раннемусульманской уммы. С другой стороны, очевидна генетическая связь многих ритуальных предписаний ислама с религиозной практикой предшествующей эпохи [38, с. 261]. «Мусульманская цивилизация начиналась с отрицания того, что было названо джахилией, однако ислам Мухаммада и первых праведных халифов, коранический ислам тысячами нитей был связан с культурой, мировоззрением, традициями предшествующей эпохи, хотя разрыв с ней и провозглашался постоянно» [39, с. 43]. Понять почему, в какой степени и в каком виде элементы этой религиозной практики оказались приемлемы для ислама, также возможно только после обращения к результатам изучения аравийского язычества. В свете сказанного, не может не вызывать удивление тот факт, что тема доисламских верований арабов занимает неоправданно мало места в общих работах по истории ислама.

Правильной постановке вопроса о роли и месте доисламских верований и ритуалов населения Аравии, в контексте проблемы происхождения ислама, по нашему мнению, препятствуют некоторые стереотипы, прочно укоренившиеся в общественном сознании. Не имея возможности в рамках одной статьи вскрыть и охарактеризовать все из них, остановимся на двух, как представляется, наиболее распространенных. Прежде всего, это, господствовавший на протяжении XIX – начала XX вв. взгляд на ислам как на результат внешних влияний. Внимание исследователей при таком подходе ограничивалось проблемой иудейского и христианского влияний на религиозное мировоззрение Мухаммада, что автоматически отодвигало аравийское язычество в их работах на второй план [40, с. 51–66; 4, с. 207–210]¹. Так, еще в 1864 г. вышла в свет работа Рейнхарта Дози, в которой автор утверждал, что доисламские арабы обязаны евреям, переселившимся в Аравию, после разрушения На-

¹ Подробная историография, через призму истории изучения Корана: Резван Е. А. Коран и Коранистика [32, с. 44].

вуходоносором Иерусалима, всеми идеями и преданиями монотеистического круга [41]. Напротив, В. В. Бартольд в своем очерке «Ислам» высказывал мнение о преимущественно христианском влиянии на арабских язычников и на Мухаммада, в частности: «Содержание мекканских сур скорее свидетельствует о христианском, чем о еврейском влиянии» [24, с. 94]. Следует отметить, что, в конечном счете, абсолютизация иудео-христианского влияния в вопросе возникновения ислама и взгляд на Мухаммада как на компилятора восходит к средневековым религиозным полемистам. Показательно в этом отношении сообщение Иоанна Дамаскина: «И вот, до времени Ираклия сарацины явно служили идолам; от его же времени и до сих пор возник у них лжепророк, называемый Мухаммед, который познакомился с Ветхим и Новым Заветом, а также, говорят, общался с арианским монахом, после чего составил собственную ересь» [42, с. 16]. Иудейская полемика с исламом имела свои особенности. В частности, в рамках полемической иудейской традиции не было создано произведений целиком посвященных антиисламской аргументации [43, с. 212; 44]. Однако представление иудеев Хиджаза о вторичности откровения Мухаммада надежно зафиксировано мусульманской традицией. Ибн Хишам, среди прочих, приводит следующий аргумент иудеев, выдвинутый ими в ходе полемики с Мухаммадом: «Он не принес нам то, о чем мы не знаем и чего мы ждали» [45, с. 182]. Что еще более важно, такая позиция иудеев нашла отражение в тексте Корана (II, 89) [46]. Отражена она и в более поздних источниках, например, в тексте знаменитого «Йеменского послания» Маймонида: «Вероучения других религий, которые напоминают учения Писания, не имеют глубокого смысла, но суть поверхностные подражания...» [47, с. 302]. О распространенности подобного подхода к проблеме возникновения ислама, свидетельствует вышедшая в Риге в 1939 г. «История еврейского народа на Востоке» С. М. Дубнова. «Уроженец Мекки, Мухамед (570–632 гг.), имел возможность ознакомиться с учениями иудейства и христианства... Лишенный книжного образования, молодой Мухамед принимал на веру ходячие устные рассказы из Библии и евангелия, которые часто передавались в искаженной форме и были перемешаны с народными легендами из еврейской Агады или христианских «Житий Святых» [48, с. 290]. По справедливому замечанию М. Б. Пиотровского: «Основным приемом даже самых почтенных ученых до последнего времени был поиск прямых истоков тех или иных библейских легенд Корана» [30, с. 26].

Заметим, что как бы ни решался вопрос об иудейско-христианском влиянии на содержание ранней проповеди ислама, процесс религиозной самоидентификации мусульманской общины, своеобразным катализатором которого стало непризнание пророческой миссии Мухаммада иудеями Хиджаза [49, с. 84–92], стимулировал обращение основателя новой религии к собственно арабским традициям и истокам. Наиболее ярким выражением этой тенденции стала перемена киблы: «Вот скажут глупцы из людей: «Что отвратило их от киблы, которой они держались?» Скажи: «Аллаху принадлежит и восток и запад, Он ведет, кого хочет, к прямому пути... И Мы сделали киблу, которой ты держался, только для того, чтобы нам узнать, кто следует за посланником среди обращающихся вспять... Мы видим поворачивание твоего лица по небу, и Мы обратим тебя к кибле, которой ты будешь доволен. По-

верни же свое лицо в сторону запретной мечети. Ведь те, кому даровано писание, знают, конечно, что это – истина от Господа их, – поистине, Аллах не небрежет тем, что они делают!» (Коран II, 136 (142) – 139 (144)) [46]. Следует отметить, что невозможность понять содержание проповеди Мухаммада, исходя только из представления о раннем исламе как об аберрации иудейско-христианского монотеизма в арабской среде, неоднократно отмечалась исследователями [6, с. 9]. Так, например, У. Монтгомери Уотт во введении к исследованию, посвященному мединскому периоду жизни Мухаммада, вынужден был относительно доисламской древности в целом признать: «серьезным пробелом является то, что изучение жизни в доисламской Аравии отстает от изучения достижений социальной антропологии... знакомство с доисламской средой является необходимой основой для понимания социальных реформ Мухаммада» [50, с. 6].

Еще одним препятствием для детального освящения духовной жизни населения доисламской Аравии, применительно к проблеме происхождения ислама, стали результаты работы средневековых мусульманских авторов [5, р. 39]. Господствующим в мусульманской средневековой историографии взглядом на доисламские верования и обряды арабов стал взгляд на них, как на результат «порчи» монотеизма Ибрахима и его сына Исмаила. Хишам б. Мухаммад ал-Калби (ум. в 819-20 г.) говорит об этом в самом начале своей «Книге об идолах»: «Исмаил, сын Ибрахима, – да будет благословение Аллаха над ними! – поселился в Мекке и родилось у него там многочисленное потомство... стала Мекка тесной для них, и начались между ними столкновения и вражда, и одни из них изгнали других. И те разошлись по стране в поисках пропитания. К поклонению истуканам и камням их привело то, что никто не покидал Мекки, не взяв с собой камня из Святынища из-за почтения к этому святынищу и привязанности к Мекке. И где бы они ни селились, они ставили этот камень и обходили вокруг него...» (ал-Калби, 6) [51, с. 14]. Почти в тех же выражениях говорит о начале язычества у арабов Абд ал-Малик б. Хишам ал-Химйари (ум. в 833 или 828 г.), автор наиболее авторитетного в мусульманском мире «Жизнеописания посланника Аллаха» [45, с. 27–28].

Наряду с этой версией, мусульманские авторы приводят и сведения о том, что первые идолы были привезены в Мекку. Возможность того, что за этим сообщением мусульманских авторов может скрываться реальный исторический факт, допускал, например, А. Ламменс [5, р. 60]. Главным виновником традиция называет Амра б. Лухайя б. Хариса б. Амира ал-Азди. Однако и в этом случае, установление идолов рассматривается только как отступление от монотеистической веры Ибрахима - Исмаила. Так, Амр б. Лухайй б. Хариса, по словам ал-Калби – «Первый, кто переменял веру Исмаила (ал-Калби, 8) [51, с. 15–16]. «Он был первым человеком, изменившим религию Исмаила и воздвигшим истуканов» [45, с. 27]. В рамках этой традиции находится и сообщение Мухаммада б. Абд ал-Карима аш-Шахрастани (ум. в 1153 г.): «Он отправил Хаджар, мать Исмаила – его сына, в благословенное место, и там родился Исмаил... Ибрахим вернулся к нему и объединился с ним в строительстве Дома. Об этом слова Всевышнего: «И вот Ибрахим воздвигает основы Дома, и Исмаил...» (Коран 2:121/127). И воздвигли они основы Дома в соответствии с указанием Божьего Откровения... и установили они богослужебные обряды

и ритуалы... Первый, кто установил в нем идолов – Амр б. Лухайй б. Галуса б. Амр б. Амир, когда он начальствовал над своим родом и управлял делами Храма. Затем он направился в город ал-Балка, в аш-Шаме, и увидел там людей, поклоняющихся идолам. Он спросил их об этих идолах, и они сказали: «Это – господа, которых мы изготовили в виде небесных храмов и человеческих фигур...» Это удивило Амра, и он попросил у них одного из идолов, и они дали ему Хубала. С ним он отправился в Мекку и установил его в ал-Ка'бе» [52, с. 27–28]. Надо ли говорить, что подобный взгляд на арабийское язычество является репликой к кораническому рассказу об Ибрахиме – основателе культа Каабы и общины «предавшихся»? (Коран, II, 118(124) – 131(137) [46]. В этом же ключе в мусульманском предании было истолковано и, содержащееся в Коране, упоминание идолов «Народа Нуха». «И ухитрились они великой хитростью и сказали: «Не оставляйте никак ваших богов, не оставляйте никак Вадда и Сува, и Йагуса, и Йа'ука и Насра!» (Коран, LXXI, 21(22) – 23) [46]. Говоря об их почитании доисламскими арабами, Хишам б. Мухаммад ал-Калби сообщает: «...переменили веру Ибрахима и Исмaила на другую. Они начали поклоняться истуканам и обратились к тому, чему следовали народы до них. Они вернули себе тех идолов, которым поклонялся народ Нуха, да будет мир над ним, следуя воспоминаниям, сохранившимся среди них» (ал-Калби, 6) [51, с. 15]. Ответственность за возрождение культа идолов «Народа Нуха» ал-Калби вновь возлагает на Амра б. Лухаййа б. Хариса б. Амра б. Амира ал-Азди, прародителя племени хуза'а. Амр, якобы, по наущению имевшегося у него джинна, отправился на берег у Джудды, где откопал пять идолов, покоившихся там со времен потопа, а затем во время хаджа призвал арабов поклоняться им (ал-Калби, 55) [51, с. 35-36]. К нему же традиция возводит и другие установления времен джахилии: «...пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, сказал: «Был мне показан ад, и я увидел Амра, низкорослого, рыжего, голубоглазого человека, влачащего свои кишки через огонь. Я спросил: «Кто это?», и мне ответили: «Это – Амр ибн Лухайй, первый, кто резал ухо верблюдице бахира, отпустил верблюдицу васила, пустил пастись на свободе верблдицу са'иба, сделал запретной верблюдицу хами, изменил веру Ибрахима и призвал арабов служить идолам» (ал-Калби, 58) [51, с. 37]. Подобная роль в происхождении языческих обрядов у арабов отводится Амру б. Лухайю и в свидетельствах литературы хадисов (Муслим, 2002) [53, с. 966].

Следует заметить, что было бы недопустимым упрощением оценивать взгляд мусульманской традиции на процесс происхождения арабийского язычества только как результат некой фальсификации, подгонки исторической действительности под заданные идеологические установки. Анализ коранической проповеди Мухаммада, обращенной к мекканским язычникам показывает, что представление об Аллахе как верховном божестве, сотворившем мир, было достаточно широко распространено среди доисламских арабов Хиджаза [30, с. 34–35]. Хорошо известны функции Аллаха в доисламской мифологии арабов Северной и Центральной Аравии, где он выступал в качестве бога–предка, творца людей и богов, бога неба и дождя. В литературе неоднократно отмечались особенности доисламского почитания Аллаха, среди которых: отсутствие его связи с какой-либо отдельной этнической или племенной группой, отсутствие специально посвященных ему святилищ, возможность ассо-

циации его образа с образами главных местных божеств, таких как, например, Хубал, или Душара [54, с. 61]. Все это свидетельствует в пользу того, что для подавляющего большинства доисламских арабов Аллах – «*dues otiosus*, культ которого сводился к установленным приношениям первин (зерна и скота) – ему и различным местнотимым божествам» [55, с. 63]. Процесс замещения «отдыхающего бога» другими божествами, с передачей им принадлежащих ему функций хорошо известен в различных религиозных системах народов Ближнего Востока.¹ По меткому замечанию М. Элиаде: «Замена старого демиурга более энергичным молодым богом, «специалистом» по вселенскому плодородию – довольно распространенное явление» [56, с. 143]. В этой связи, хотелось бы обратить внимание на следующие коранические айаты: «А те, которые взяли помощников, кроме Него: «Мы поклоняемся им только, чтобы они приблизили нас к Аллаху близостью». Аллах рассудит между ними в том, в чем они расходятся!» (Коран, XXXIX, 4) [46]. Эти слова, вложенные в уста язычников, по нашему мнению, являются прямым отражением вышеуказанного процесса в духовной жизни доисламской Аравии. О том же свидетельствует аш-Шахрастани, когда говорит, что «Третья категория арабов признавала Творца, начало сотворения и некий вид возвращения, но не признавала посланников и поклонялась идолам. Они утверждали, что это – их заступники перед Аллахом в будущем жилище» [52, с. 31]. Таким образом, отрицая культы многочисленных языческих божеств, Мухаммад, в известном смысле, действительно выступал как «реставратор» хорошо известного арабам почитания Аллаха.

Современная мусульманская историография, в полной мере, сохранила средневековый взгляд, представленный как в работах отечественных, так и зарубежных мусульманских исследователей. Почти дословный пересказ версий ал-Калби содержится в курсе «Исламоведение» Э. Кулиева [57, с. 14-16]. Автор, изданного в Лондоне в 1988 г. очерка, посвященного жизни пророка Мухаммада, следующим образом характеризует религиозные воззрения доисламских арабов: «Их религия, некогда чистый монотеизм, религия патриарха Ибрагима, подверглась искажению – поколение за поколением – при содействии других народов: сабиев, поклонявшимся звездам, или же персов, поклонявшихся огню, а также иных народов, которые придерживались других странных верований, переполнявших тогда мир. Они приносили жертвы каменным идолам и живьем закапывали своих дочерей» [58, с. 21]. Можно умножать примеры, но очевидно, что общее представление о язычестве среди арабов как о результате деградации монотеизма Ибрахима – Исмаила, делает его предметом второстепенным в глазах мусульманских авторов. Не случайно, составленный в первой половине VIII в. Абу Абдаллахом Мухаммадом б. Исфахом (ум. в 767 г.) исторический труд, первая часть которого была посвящена доисламской истории, был подвергнут критике учеными-традиционалистами Медины. Только после ряда сокращений и переработок, приведения его текста в соответствие с канонами мусульманской богословской науки, из под пера Ибн Хишама, в конечном счете, появилось, ставшее каноническим, «Жизнеописание господина нашего Му-

¹ В Угарите рядом с фигурой «отца богов» Илу активно действует Ба'лу (обзор точек зрения на взаимоотношения этих божеств см. [59, с. 64–67], в Финикии функции Эла постепенно переходят к другим богам [60, с. 59]. В шумерской мифологии Энлиль оттесняет на второй план своего отца Ану [61, с. 75].

хаммада, посланника Аллаха». Среди прочего: «Вся древняя часть была отброшена, сохранились (и были добавлены) некоторые сказания из доисламского прошлого Аравии, особенно Мекки, ставшие прямой предысторией деятельности аравийского пророка» [62, с. 11]. Известно не менее критическое отношение мусульманской традиции и к «Книге об идолах» Хишама б. ал-Калби. «Интерес Хишама ибн ал-Калби к доисламской истории арабов вызвал осуждение ученых-традиционалистов, знатоков хадисов, стремившихся искоренить все следы язычества и ревниво относившихся к занятиям «неспециалиста» Ибн ал-Калби хадисами» [6, с. 10].

Необходимо отметить, что представление о монотеизме Ибрахима – Исмаила как изначальной вере арабов, не единственная концепция мусульманской историографии, нивелирующая исследовательский интерес к доисламским реалиям духовной жизни населения Аравии. В рамках жанра «сира» была сформулирована идея «Божьей опеки», согласно которой пророк, еще до получения откровений, был оберегаем высшей силой от поклонения идолам. Показательным в этом отношении является рассказ Ибн Хишама о встрече пророка, сопровождавшего Абу Талиба в караванной поездке в Сирию, с монахом по имени Бахири. «Бахири подошел к нему и сказал: «О мальчик! Ради аль-Лата и аль-Уззы, ответь мне на то, о чем я тебя спрошу». Бахири обратился к нему с такими словами, ибо слышал, как люди, пришедшие вместе с Мухаммадом, клянутся этими двумя именами. Утверждают, что Посланник Аллаха сказал: «Не спрашивай меня ради аль-Лата и аль-Уззы ни о чем. Клянусь Аллахом, я ничего другого ненавижу больше их двоих». Бахири сказал: «Так, ради Бога, ответь мне на то, о чем я тебя спрошу!» Мухаммад ему ответил: «Спрашивай меня о чем угодно» [45, с. 49–50]. Известно свидетельство Ибн Сада, со ссылкой на аль-Вакиды о тщетности родственников заставить юного Мухаммада участвовать в поклонении идолам. «У мекканцев был обычай ежегодно справлять праздник вокруг одного идола в Буане. Но всякий раз Мухаммад отыскивал какой-нибудь предлог, чтобы не присутствовать на нем. И вот подошло время очередного торжества. Дядя и тетушки принялись корить подростка, грозя гневом Божьим, коли не присоединиться к остальным. На сей раз Мухаммад послушался и отправился вместе со всеми. Однако в самый разгар праздника он примчался к родным в шатер, бледный и весь дрожа. Родственникам он сообщил о странном существе – великане в белых одеждах, который возгласил перед ним: «Вернись, о Мухаммад! Не прикасайся к идолу!» [63, с. 67]. Сочинения современных мусульманских авторов в полной мере унаследовали подобный взгляд: «Божественная забота не позволит такому человеку, как Мухаммад, испытывать простой соблазн, к которому расположены все люди. Если предположить, что нас окружают «волны» зла и что сердца некоторых людей к ним восприимчивы, то сердца пророков, наделенные Божьей опекой, не подвластны этим волнам» [64, с. 45]. С другой стороны, следует признать, что мусульманская традиция, несмотря на господствующую точку зрения, сохранила и иные сведения о религиозной практике Мухаммада до ислама. Хишам ал-Калби, приводя свидетельства о доисламском почитании арбами ал-Уззы, сообщает: «Арабы и курайшиты давали по ней имя – ‘Абд ал-Узза. Она была самым почитаемым идиолом у курайшитов. Они приходили к ней, принося ей дары и старались снискать ее расположение жертвоприношением. Сообщили нам, что посланник Аллаха, да

благословит его Аллах и да приветствует, упомянул ее однажды. Он сказал: «я принес в дар ал-'Уzze рыжеватую козу, когда следовал вере моих сородичей» (ал-Калби, 19) [51, с. 20]. О том, что рождение новой религии стало результатом преодоления кризиса в сознании пророка между доисламскими представлениями арабов Хиджаза и монотеистическими идеями, свидетельствует и анализ некоторых коранических терминов. «Проповеди пророка, произнесенные им между 610 и 632 гг. и составившие содержание Корана, отразили столкновение в его сознании прежнего языческого миропонимания с новыми идеями и образами, рожденными в ходе его пророческой деятельности» [29, с. 59].

Таковы, по нашему мнению, наиболее распространенные стереотипы относительно аравийского язычества и его связи с рождением новой монотеистической религии. Очевидно, что подобные «методологические» послы, делают реалии духовной жизни доисламской Аравии малозначимым предметом в глазах многих авторов, обращающихся к истории раннего ислама. Еще один тезис, оставшийся, к сожалению, за рамками настоящей статьи, но требующий, на наш взгляд, тщательного изучения – многократно высказывавшаяся в различных академических исследованиях мысль о том, что к моменту возникновения ислама аравийское язычество находилось в упадке. Оценка степени и характера этого упадка неизбежно окажет влияние на оценку роли и места аравийского язычества в процессе генезиса ислама.

Список использованных источников и литературы

1. Мюллер А. История ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004. – 911 с.
Myuller a. Istoriya islama: Ot doislamskoj istorii arabov do padeniya dinastii abbasidov. – М.: ООО «Izdatel'stvo Astrel»: «Izdatel'stvo AST», 2004. – 911 s.
2. Wellhausen J. Reste arabischen heidentums. –Berlin: druck und verlag von Georg Reimer, 1897. – 250 p.
3. Nöldeke Th. Arabs (ancient) // Encyclopedia of Religion and Ethics. Vol. 1. – Edinburgh: T. & T. CLARK, 1908. – P. 659–673.
4. Уотт У. М. Мухаммад в Мекке. – СПб.: «ДИЛЯ», 2006. – 272 с.
Uott U. M. Muhammad v Mekke. – SPb.: «DILYa», 2006. – 272 s.
5. Lammens H. Le Culte des Betyles et les processions religieuses chez les arabes preislamites // BIFAO. – 1920. – №17. – С. 39–101.
6. Полосин В. В. Предисловие// Хишам ибн Мухаммад ал-Калби Книга об идолах (Китаб ал-аснам). – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 9–13.
Polosin V. V. Predislovie// Xisham ibn Muhammad al-Kalbi Kniga ob idolax (Kitab al-asnam). – М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1984. – S. 9–13.
7. Резван Е. А. Коран и доисламская культура (проблема методики изучения)// Ислам. Религия, общество, государство. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 44–58.
8. Rezvan E. A. Koran i doislamskaya kul'tura (problema metodiki izucheniya)// Islam. Religiya, obshchestvo, gosudarstvo. – М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1984. – S. 44–58.
9. Peters F. E. Muhammad and the origins of Islam. – New York: State University of New York press, 1994. – 339 p.
10. Массе А. Ислам: Очерк истории. – М.: Крафт+, 2007. – 200 с.
Masse A. Islam: Ocherk istorii. – М.: Kraft+, 2007. – 200 s.
11. Грюнебаум Г. Э. фон Классический ислам. Очерк истории (600-1258). –М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 216 с.
Gryunebaum G. E. fon Klassicheskij islam. Ocherk istorii (600-1258). –М. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1986. – 216 s.

11. The Cambridge history of Islam. V. I A: The central Islamic lands from pre-Islamic times to the First World War. – Cambridge: Cambridge university press, 2008. – 523 p.
12. Шифман И. Ш. О некоторых установлениях раннего ислама// Ислам. Религия, общество, государство. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 36-43.
- Shifman I. Sh. O nekotoryx ustanovleniyax rannego islama// Islam. Religiya, obshhestvo, gosudarstvo. – M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1984. – S. 36-43.
13. Пиотровский М. Б. Пророческое движение в Аравии VII в.// Ислам. Религия, общество, государство. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 19–27.
- Piotrovskij M. B. Prorocheskoe dvizhenie v Aravii VII v. // Islam. Religiya, obshhestvo, gosudarstvo. – M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1984. – S. 19–27.
14. Пиотровский М. Б. Мухаммед, пророки, лжепророки, кахины// Ислам в истории народов Востока. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. – С. 9–18.
- Piotrovskij M. B. Muxammed, proroki, lzheproroki, kakhiny// Islam v istorii narodov Vostoka. – M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1981. – S. 9–18.
15. Пиотровский М. Б. Южная Аравия в раннее средневековье. – М.: Наука, 1985. – 224 с.
- Piotrovskij M. B. Yuzhnaya Araviya v rannee srednevekov'e. – M.: Nauka, 1985. – 224 s.
16. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.
- Islam: E'nciklopedicheskij slovar'. – M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury', 1991. – 315 s.
17. Лундин А. Г. «Дочери бога» в южноарабских надписях и в Коране// ВДИ. – 1975. – №2. – С. 124–131.
- Lundin A. G. «Docheri boga» v yuzhnoarabskix nadpisyax i v Korane// VDI. – 1975. – №2. – S. 124–131.
18. Лундин А. Г. Религия и культура древнего Йемена// Красноморские заметки, I. – М.: Институт востоковедения РАН, 1994. – С. 185–201.
- Lundin A. G. Religiya i kul'tura drevnego Jemena// Krasnomorskie zametki, I. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 1994. – S. 185–201.
19. Французов С. А. История Хадрамаута в эпоху древности. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014. – 336 с.
- Francuzov S. A. Istoriya Xadramauta v e'poxu drevnosti. – SPb.: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshhestvo, 2014. – 336 s.
20. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998.
- Mify' narodov mira: E'nciklopediya v 2-x t. – M.: «Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya», 1998.
21. Большаков О. Г. История Халифата. – Т. 1: Ислам в Аравии (570-633). – М.: Наука, 1989. – 312 с.
- Bol'shakov O. G. Istoriya Xalifata. – T. 1: Islam v Aravii (570-633). – M.: Nauka, 1989. – 312 s.
22. Крымский А. Е. История мусульманства. – М. – Жуковский: Кучково поле, 2003. – 464 с.
- Kry'mskij A. E. Istoriya musul'manstva. – M. – Zhukovskij: Kuchkovo pole, 2003. – 464 s.
23. Кримський А. Ю. Вибрані сходинки праці. – Т. 1.: Арабістика. – К.: «Стилос», 2007. – 432 с.
- Krim'skij A. Yu. Vibrani shodoznachni pracі. – T. 1.: Arabistika. – K.: «Stilos», 2007. – 432 s.
24. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М.: Вост. лит., 2002. – 784 с.
- Bartol'd V. V. Raboty' po istorii islama i Arabskogo xalifata. – M.: Vost. lit., 2002. – 784 s.
25. Беляев Е. А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. – М.: Наука, 1966. – 280 с.
- Belyaev E. A. Araby', islam i Arabskij xalifat v rannee srednevekov'e. – M.: Nauka, 1966. – 280 s.
26. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII-XV веках: Курс лекций. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 428 с.
- Petrushevskij I. P. Islam v Irane v VII-XV vekax: Kurs lekcij. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. – 428 s.
27. Машанов М. А. Очерк религиозного быта арабов язычников в эпоху Мухаммеда. – Казань: Императорский университет, 1885. – 862 с.
- Mashanov M. A. Ocherk religioznogo by'ta arabov yazy'chnikov v e'poxu Muxammeda. – Kazan': Imperatorskij universitet, 1885. – 862 s.

28. Грязневич П. А. Проблемы изучения истории возникновения ислама// Ислам. Религия, общество, государство. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 5–18.
Gryaznevich P. A. Problemy' izucheniya istorii vzniknoveniya islama// Islam. Religiya, obshhestvo, gosudarstvo. – М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1984. – S. 5–18.
29. Резван Е. А. Адам и бану адам в Коране (к истории понятий «первочеловек» и «первочеловечество»)// Ислам. Религия, общество, государство. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 59–68.
Rezvan E. A. Adam i banu adam v Korane (k istorii ponyatij «pervochelovek» i «pervochelovechestvo»)// Islam. Religiya, obshhestvo, gosudarstvo. – М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1984. – S. 59–68.
30. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. – М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1991. – 219 с.
Piotrovskij M. B. Koranicheskie skazaniya. – М.: «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury', 1991. – 219 s.
31. Пиотровский М. Б. Исторические предания Корана. Слово и образ. – СПб.: «Славия», 2005. – 159 с.
Piotrovskij M. B. Istoricheskie predaniya Korana. Slovo i obraz. – SPb.: «Slaviya», 2005. – 159 s.
32. Резван Е. А. Коран и коранистика// Ислам. Историографические очерки. – М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 7–84.
Rezvan E. A. Koran i koranistika // Islam. Istoriograficheskie ocherki. – М.: «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury', 1991. – S. 7–84.
33. Резван Е. А. Введение в коранистику. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 408 с.
Rezvan E. A. Vvedenie v koranistiku. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2014. – 408 s.
34. Матвеев К. П. История ислама. – М.: Восток-Запад, 2005. – 254 с.
Matveev K. P. Istoriya islama. – М.: Vostok-Zapad, 2005. – 254 s.
35. Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 293 с.
Yakobsen T. Sokrovishha t'my'. Istoriya mesopotamskoj religii. – М.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995. – 293 s.
36. Ассман Я. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации. – М.: Присцельс, 1999. – 368 с.
Assman Y. Egipt. Teologiya i blagochestie rannej civilizacii. – М.: Priscel's, 1999. – 368 s.
37. Баскакова Т. А. Модели религиозного развития древних ближневосточных обществ (Ассмановская концепция «теологического дискурса» в Египте и вопрос о ее применимости к религиозной истории других ближневосточных обществ II-начала I тысячелетия до н. э.)// ВДИ. – 199. – №2. – С. 3–31.
Baskakova T. A. Modeli religioznogo razvitiya drevnix blizhnevostochny'x obshhestv (Assmanovskaya koncepciya «teologicheskogo diskursa» v Egipte i vopros o ee primenimosti k religioznoj istorii drugix blizhnevostochny'x obshhestv II-nachala I ty'syacheletiya do n. e')// VDI. – 199. – №2. – S. 3–31.
38. Ермаков Д. В. Хадж// Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 261.
Ermakov D. V. Xadzh// Islam: E'nciklopedicheskij slovar'. – М.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury', 1991. – S. 261.
39. Резван Е. А. Коран и его мир. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 608 с.
Rezvan E. A. Koran i ego mir. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. – 608 s.
40. Гойтейн Ш. Д. Евреи и Арабы. Их связи на протяжении веков. – М.-Иерусалим: Издательство «Мосты культуры-Гешарим», 2001. – 284 с.
Gojtejn Sh. D. Evrei i Araby'. Ix svyazi na protyazhenii vekov. – М.-Ierusalim: Izdatel'stvo «Mosty' kul'tury'-Gesharim», 2001. – 284 s.
41. Dozy R. Israeliten zu Mekka. — Leipzig: W. Engelmann, 1864.— 196 p.
42. Византийские сочинения об исламе (тексты переводов и комментарии)/ под ред. Ю. В. Максимова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – С. 16–22.
Vizantijskie sochineniya ob islame (teksty' perevodov i kommentarii)/ pod red. Yu. V. Maksimova. – М.: Izd-vo PSTGU, 2006. – S. 16–22.

43. Коэн М. Под сенью креста и полумесяца: евреи в Средние века. – М.: Книжники; Текст, 2013. – 368 с.
- Koe'n M. Pod sen'yu kresta i polumesyaca: evrei v Srednie veka. – М.: Knizhniki; Tekst, 2013. – 368 s.
44. Ibn Kammunas Examination of the Three faiths. – Berkeley-Los Angeles-London: University of California press, 1971. – 160 p.
45. Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада. – М.: Издательский дом «Умма», 2002. – 485 с.
- Ibn Xisham. Zhizneopisanie proroka Muxammada. – М.: Izdatel'skij dom «Umma», 2002. – 485 s.
46. Коран/ пер. И. Ю. Крачковского. – Баку: Язычы, 1990. – 744 с.
- Koran/ per. I. Yu. Krachkovskogo. – Baku: Yazy'chy', 1990. – 744 s.
47. Рабби Моше бен Маймон. Послания и другие труды. – М.: Книжники, 2011. – 668 с.
- Rabbi Moshe ben Majmon. Poslaniya i drugie trudy'. – М.: Knizhniki, 2011. – 668 s.
48. Дубнов С. М. История еврейского народа на Востоке. Т. III: Древняя и средняя история. От падения Иудейского государства до упадка автономных центров на Востоке (I-XI вв.). – М.: Мосты культуры, 2006. – 448 с.
- Dubnov S. M. Istoriya evrejskogo naroda na Vostoke. T. III: Drevnyaya i srednyaya istoriya. Ot padeniya Iudejskogo gosudarstva do upadka avtonomny'x centrov na Vostoke (I-XI vv.). – М.: Mosty' kul'tury', 2006. – 448 s.
49. Спивак И. А. Христиане Аравии в изображении Ибн Хишама// Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2014. – Т. 27(66), №4. – С. 84–92.
- Spivak I. A. Xristiane Aravii v izobrazhenii Ibn Xishama// Ucheny'e zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – 2014. – Т. 27(66), №4. – С. 84–92.
50. Уотт У. М. Мухаммад в Медине. – СПб.: «ДИЛЯ», 2007. – 480 с.
- Uott U. M. Muxammad v Medine. – SPb.: «DILYa», 2007. – 480 s.
51. Ал-Калби Хишам б. Мухаммад. Книга об Идолах. – М.: Наука, 1984. – 64 с.
- Al-Kalbi Xisham b. Muxammad. Kniga ob Idolax. – М.: Nauka, 1984. – 64 s.
52. Прозоров С. М. «Верования арабов во времена ал-джахилии» аш-Шахрастани / Комментированный пер. с арабск. С. М. Прозоров // Письменные памятники Востока. – 2005. – № 2 (3). – С. 26–46.
- Prozorov S. M. «Verovaniya arabov vo vremena al-dzhaxiliji» ash-Shaxrastani / Kommentirovanny'j per. s arabsk. S. M. Prozorov // Pis'menny'e pamyatniki Vostoka. – 2005. – № 2 (3). – С. 26–46.
53. Муслим. Сахих: Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири/ Пер. с арабск. В. А. Нирша. – М.: Умма, 20011. – 1216 с.
- Muslim. Saxix: Kratkoe izlozhenie, sostavlennoe imamom al'-Munziri/ Per. s arabsk. V. A. Nirsha. – М.: Umma, 20011. – 1216 s.
54. Лундин А. Г. Аллах.// Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. – Т. 1. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 61.
- Lundin A. G. Allax.// Mify' narodov mira: E'nciklopediya v 2-x t. – Т. 1. – М.: «Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya», 1998. – С. 61.
55. Элиаде М. История веры и религиозных идей в 3-х т. – Т. 3: От Магомета до Реформации. – М.: Критерион, 2002. – 352 с.
- E'liade M. Istoriya very' i religiozny'x idej v 3-x t. – Т. 3: Ot Magometa do Reformacii. – М.: Kriterion, 2002. – 352 s.
56. Элиаде М. История веры и религиозных идей в 3-х т. – Т. 1: От каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Критерион, 2002. – 464 с.
- E'liade M. Istoriya very' i religiozny'x idej v 3-x t. – Т. 1: Ot kamennogo veka do e'levsinskix misterij. – М.: Kriterion, 2002. – 464 s.
57. Кулиев Э. Р. Исламоведение. – М.: Изд-во Московского исламского ун-та, 2008. – 416 с.
- Kuliev E. R. Islamovedenie. – М.: Izd-vo Moskovskogo islamskogo un-ta, 2008. – 416 s.
58. Аль-Исмаил Т. Жизнь Мухаммада: жизнеописание Пророка на основе самых ранних источников. – К.: Ансар Фаундейшин, 2009. – 332 с.
- Al'-Ismail T. Zhizn' Muxammada: zhizneopisanie Proroka na osnove samy'x rannix istochnikov. – К.: Ansar Faundejshin, 2009. – 332 s.

59. Шифман И. Ш. Введение.// О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 10–80.
Shifman I. Sh. Vvedenie.// O Ba'lu. Ugaritskie poe'ticheskie povestvovaniya. – М.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1999. – S. 10–80.
60. Циркин Ю. Б. Мифы Финикии и Угарита. – М.: ООО «Издательство АСТ»; «Астрель»; ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 2000. – 480 с.
Cirkin Yu. B. Mify' Finikii i Ugarita. – М.: ООО «Izdatel'stvo AST»; «Astrel'; ZAO «Redakcionno-izdatel'skij kompleks Rusanova», 2000. – 480 s.
61. Афанасьева В. К. Ан// Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. – Т. 1. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 75.
Afanas'eva V. K. An// Mify' narodov mira: E'nciklopediya v 2-x t. – Т. 1. – М.: «Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya», 1998. – S. 75.
62. Пиотровский М. Б. Мухаммад и начало ислама. Введение// Хрестомтия по исламу. – М.: Наука, 1994. – С. 9–11.
Piotrovskij M. B. Muxammad i nachalo islama. Vvedenie// Xrestomtiya po islamu. – М.: Nauka, 1994. – S. 9–11.
63. Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2009. – 1062 с.
Efremova N. V., Ibragim T. K. Zhizn' proroka Muxammada. – М.: Nauchno-izdatel'skij centr «Ladomir», 2009. – 1062 s.
64. Салахи А. Мухаммад – человек и пророк. – К.: Ансар Фаундейшин, 2012. – 732 с.
Salaxi A. Muxammad – chelovek i prorok. – К.: Ansar Faundejshin, 2012. – 732 s.

Spivak I.A. In this work we analyze the reasons due to which many authors, who addressed to the problem of the genesis of Islam and the writing of its early stories, do not consider necessity to dwell on the reconstruction of the pre-Islamic beliefs and rituals of pagan Arabia's population. Despite the fact that the importance of studying the Arabian paganism in the context of the history of Islam has been recognized by foreign and local Orientalists in the middle of the twentieth century, still some textbooks, generalizing works on Islam, and the writings of the authors of Muslim tradition of the spiritual life of the pre-Islamic Arabs takes an unreasonably small place. Analysis of the literature leads to the conclusion that in the basis of the current situation there are methodologically unjustified approaches to the study of Islam. Among others, there is a view to Islam as a result of external influences of both Judaism and Christianity. The conclusion was made that the process of religious self-identification of the Muslim community, caused by the non-recognition of the prophetic mission of Muhammad by Hejaz Jews helped for founder of Islam to transition to the actual Arabian spiritual realities. From the point of view of the Muslim tradition authors, Arabian paganism is the result of degradation of the monotheism of Abraham and Ishmael, which significantly reduces the interest to the study. An additional factor is the leveling of medieval Muslim historians who made the concept of "God's custody" for the prophet. There are, in my opinion, the most common stereotypes that prevent the presentation on a proper level the results of the scientific study of Arabian paganism in a variety of teaching methods and summarizing the literature on the early history of Islam.

Keywords: Arabian paganism, Ibn Hisham, Islam, historiography, Judaism, Muhammad, Hisham al-Kalbi, Christianity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Близняков Роман Александрович	кандидат исторических наук, начальник отдела мониторинга и анализа федеральных и республиканских программ, доцент кафедры архивоведения и документоведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Задерейчук Алла Анатольевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Козаченко Ирина Викторовна	магистрант кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь, Российская Федерация)
Кравчук Александр Сергеевич	аспирант кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Османов Эльвис Эдемович	преподаватель кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь, Российская Федерация).
Спивак Игорь Александрович	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, заместитель декана исторического факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Щевелев Сергей Стефанович	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Близняков Р. А., Щевелев С. С.

Просветительская деятельность Императорского Православного
Палестинского Общества на территории Палестины в 1882–1917 гг.3

Задерейчук А. А.

Образ Фальц-Фейнов в мемуарах и дневниках11

Кравчук А. С.

К биографии таврического гражданского губернатора
Матвея Матвеевича Муромцова21

Непомнящий А. А., Козаченко И. В.

Съезды по изучению производительных сил Крыма:
экономическое крымоведение на рубеже 20–30-х гг. XX века34

Османов Э. Э.

Ремонтные работы гражданских построек Бахчисарая
в конце XIX – начале XX века40

Спивак И. А.

Аравийское язычество: почему нет?.....59

Сведения об авторах75